

КОРЕНЬ **kes-* И ЕГО РАЗНОВИДНОСТИ В ЛЕКСИКЕ СЛАВЯНСКИХ И ДРУГИХ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ

ДРЕВНЕЙШИЙ СЛОЙ ИНДОЕВРОПЕЙСКИХ ОБРАЗОВАНИЙ ОТ КОРНЯ **kes-* И ЕГО РАЗНОВИДНОСТЕЙ

В условиях возросшей сложности процесса этимологизирования по сравнению с начальным периодом развития компаративистики приобретает новую остроту вопрос о способах повышения эффективности этимологических исследований. Одним из таких способов может быть признано практиковавшееся изредка и раньше синтетическое рассмотрение больших групп слов родственных языков, по отношению к которым возможно предположение об этимологическом родстве. Перспективность такого пути этимологического исследования в настоящее время начинает, по-видимому, все более осознаваться, и этот путь находит себе все новых сторонников среди современных лингвистов. Об этом свидетельствует появление в последние годы отдельных работ, посвященных этимологическому анализу обширных групп слов, обнаруживающих фонетическое тождество или заметную близость в своей корневой части ¹.

Среди многочисленных специальных вопросов этимологии индоевропейских языков, остающихся недостаточно разработанными, привлекает к себе внимание вопрос об этимологических отношениях внутри ряда индоевропейских слов, содержащих в корнях рефлексy индоевропейских звукосочетаний *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-* (*kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-*). Особенно актуален этот вопрос для славянского языкознания, поскольку от его решения зависят этимологии таких слов славянских языков, как *коса*—*косить*, *косой*, *кость* и др., в том числе ряда слов с начальными *x-* и *š-*. Подытоживая различные мнения, высказывавшиеся в этой связи,

¹ А. С. Львов. Славянские слова с корнем *chal-/chol-*. — «Этимологические исследования по русскому языку», вып. I. М., 1960; Он же. О славянских словах с корнем *kat-/kot-*. — Там же, вып. II. М., 1962; Н. Schuster-Sewc. Fragen der etymologischen Forschung im Slawischen. — ZfS VIII, 6. Berlin, 1963. Из предшествующих работ такого характера можно назвать некоторые наиболее обстоятельные разработки П. Персона (P. Persson. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, Bd. I—II. Uppsala—Leipzig, 1912), особенно анализ основы *peu-*, *poi*, *pū-* (стр. 241—274), лат. *spissus* и родственных форм (стр. 386—422), основы *ster-* (стр. 428—446) и др.

М. Фасмер, как и перед ним И. Голуб и Ф. Копечный, не может с определенностью решить, следует ли увязывать слово *коса* как название сельскохозяйственного орудия с др.-инд. *śasati* 'режет', лат. *castrō* 'обрезаю' или же с лит. *kàsti* 'копать' (следовательно, и лит. *kasýti* 'царапать', русск. *чесать*), алб. *kōrë* 'жатва'². Из предыдущих авторов А. Фик, О. Шрадер, В. Вондрак, А. Брюкнер, Й. Миккола и др. с большей или меньшей уверенностью связывают гнездо *коса—косить* с гнездом *коса—чесать* (лит. *kasýti* и т. д.), между тем как А. Вальде, В. Махек, В. Георгиев, Э. Френкель, Г. Фриск этого сближения не принимают. Подобные расхождения обнаруживаются и в подходе к этимологии других славянских слов на *kos-*, *x-*, *š-*.

Этимология индоевропейских слов на *kes-* и т. д. до сих пор освещалась главным образом в этимологических словарях и работах общего характера по вопросам сравнительно-исторического изучения индоевропейских языков или их отдельных групп, а также в небольших разработках, посвященных этимологии отдельных слов без надлежащего учета и рассмотрения значительного материала из различных языков, примыкающего к рассматриваемым словам. По-видимому, дальнейший прогресс в разработке этимологии этой группы слов может быть достигнут в основном на пути синтетического анализа генетических отношений по крайней мере большинства тех слов, которые вызывают предположения об их возможной принадлежности к данному этимологическому гнезду. С этой точки зрения здесь будет рассмотрено подавляющее большинство слов славянских, балтийских, германских, индоиранских, греческого, латинского и других индоевропейских языков, обнаруживающих признаки принадлежности к этимологическому гнезду образований от индоевропейского корня *kes-* и его разновидностей. В частности, к числу рассматриваемых слов принадлежат такие слова русского языка, как *захолустье*, *касаться*, *кастёня*, *кастить*, *кастливый*, *кастный*, *касть*, *каша*, *кацёнок*, *кол*, *колбть*, *копать*, *коса*¹, *коса*², *косарить*, *косарь* 'большой нож', *косать* 'бить', *косвенный*, *косец* 'разбойник', *косить*, *косма*, *косой*, *косбра*, *костёнок*, *костёр*, *костёрить*, *костёря*, *костёрь*, *костига*, *костить*, *костица*, *костра*, *кострёл*, *кострёт*, *кострица*, *кострига*, *костыг*, *костыга*, *костыль*, *костырь*, *костыч*, *кость*, *косуля* 'соха', *косылять*, *косырить*, *косяк* 'колода, пень, лом', *кошанина*, *кошаница*, *коцун*, *пакость*, *сено*, *сечь*, *скала*, *скоблить*, *скопёц*, *скопить*, *скрестий*, *хабить*, *халуй*, *хапать*, *хаять*, *хватать*, *хворост*, *хворый*, *хвоя*, *хилый*, *хирый*, *хлев*, *хоблить*, *холостбой*, *холудьё*, *холуй*, *худой*, *хула*, *хулить*, *час*, *чаша*, *черта*, *чесать*, *чеснок*, *шелеп*, *шёлуди*, *шелудивый*, *шелыга*, *шерсть*, *шёршень*, *шест*, *шесть*, *шибать*, *шибкий*, *шип*, *шишка*, *шүло*, *щель*, *щепка*, *щербить*.

² V a s m e r I, стр. 639—640; H o l u b—K o p ё щ н ы, стр. 181.

Вопрос о принадлежности определенного слова или группы слов к данному этимологическому гнезду не может решаться без предварительного определения исходного минимума лексического состава соответствующего этимологического гнезда и его семантического поля. Предварительное определение древнейшего состава этимологического гнезда образований от индоевропейского корня *kes-* и его разновидностей целесообразнее всего начать с тех образований, в которых содержится основная форма корня с огласовкой *e*. Такими словами являются слав. *česati* (рус. *чесать* и т. д.), восходящее к **kes-atei*, и греч. *κεσχίον* 'костра, пакля, очёс'. Свойственное слову *чесать* во всех славянских языках значение 'прочистать (волосы или волокно гребнем, щеткой и т. п.)' проще всего возводится к первоначальному значению 'тереть, скрести', не в каждом языке сохранившемся. Однако наряду с этим, в сербохорватском языке слово *česati* означает еще 'щипать, рвать, задевать, прикасаться', словен. *česati* употребляется также в значении 'рвать, разрывать', и от него известны производные словен. *čès* 'щепка', *čésec* 'заноза', *česúlja* (*česúlja*) 'оторванная ветка с листьями', кроме того, форма *česnuti* означает 'ударить', а в чешском языке имеется форма *česnuti*, означающая 'отломать, оторвать от ствола (ветку)' (ср. укр. *відчачнѹти*, *розчачнѹти* то же). Отношение этих значений к значению 'расчесывать' само по себе не настолько ясно, чтобы во всех приведенных формах с самого начала усматривать генетически тождественное слово. Такая точка зрения может быть обоснована лишь в результате привлечения соответствий слову *чесать* из других индоевропейских языков. Что же касается значения греч. *κεσχίον*, то без привлечения дополнительных данных оно может быть возведено и к чесанию, и к битью-ломанию; оба эти значения поддерживаются и приводимыми дальше дополнительными данными. В ближайшем родстве с глаголом *česati*, вопреки высказанному в свое время сомнению А. Мейе³, находится слав. *kosa* 'расчесанные волосы' и славянские производные от этого слова *kosmъ*, *kosma*, *kosmatъ* (ц.-слав. *космъ*, русск. *косма́*, *косма́тый* и т. д.). Сомнение А. Мейе основывалось на слишком узком понимании исходного значения *česati* как 'скрести, царапать', с которым якобы не увязывается значение слова *kosa* 'волосы, причёска', хотя в действительности значение 'скрести' свободно может относиться и к волосяному покрову. В настоящее время эта явно необоснованная точка зрения Мейе никем не поддерживается.

Прямыми соответствиями слав. *kosa* 'волосы' являются лит. *kasà*, лтш. *kasa* то же. В прусском *kexti* 'волосы в косе' выступает корневое *e*. С другой стороны, литовские и латышские глаголы со значением 'скрести, царапать' и т. д., как

³ A. Meillet. Les alternances vocaliques en vieux slave (Suite). — MSL XIV. Paris, 1906, стр. 338.

и их производные, обнаруживают огласовку *a* (< *ö*), совпадающую с огласовкой имени: лит. *kasýti* 'чесать', *kasýklė* 'скребок', *kāškis* 'чесотка, короста', лтш. *kasīt* 'чесать, скоблить, скородить, рыть, копать', *kass* 'чесотка', *kaslis* 'щетка для чесания'. К этим балтийским и славянским словам непосредственно примыкают др.-сканд. *haddr* (< **hazda-*) 'женская прическа', ирл. *kass* 'курчавые волосы', ср.-ирл. *cír* (< **kēsra*) 'гребень', хетт. *kiššāi* 'чесать', авест. *kasvīš* 'сыпь на коже', арм. *kos* 'короста', тох. В *kāswo* 'проказа'⁴. Взаимосвязь значений лтш. *kasīt* делает очевидной принадлежность к этой же этимологической группе слов и лит. *kāsti* 'копать, рыть', *kasiklis* 'заступ, лопата', лтш. *kast* 'рыть, скородить'. Вместе с тем к глаголу *чесать* 'скрести, почесывать' и т. п. примыкает ст.-слав. **КОСНЖТИ СЛ**, **КАСАТИ СЛ**, русск. *касаться*, болг. *кѳсам се* 'дотрагиваться'⁵. Но наряду с этим значением соответствующий глагол в некоторых других славянских языках обнаруживает и несколько отличную семантику: ср. укр. *за-касати*, *під-касати* 'заткнуть, подоткнуть (подол за пояс); засучить (рукава)', ст.-польск. *kasac* 'подтыкать; задирать нос, пыжиться', *kasac się* 'стремиться, намереваться'. С основными значениями слов *чесать* и *касаться* естественно увязываются русск. диал. *касать* 'бить', *косец* 'разбойник, грабитель по дорогам, портной', с.-хорв. *кѳсити* 'терзать, мучить', *кѳсити се* 'противиться', макед. *коси* 'волновать, мучить, терзать', *коси се* 'противопоставляться, сталкиваться', болг. *кося се* 'раздражаться, сердиться'.

Фонетический облик приведенных слов в славянских, балтийских, иранских, армянском и тохарском языках свидетельствует о том, что начальный согласный *k* в этих словах восходит к индоевропейскому непалатальному *k* (*q*). Наряду с этой группой слов другие индоевропейские языки (в частности, греческий, латинский, древнеиндийский) обнаруживают другую, близкую этой в семантическом отношении группу, в которой начальный корневой согласный, по свидетельству древнеиндийского языка, восходит к и.-е. палатальному *k̄*. Ср.: греч. *κεῖω* (< **kesa-*) 'раскалываю', *κεῖω* (< **kesiō*) то же, *κέαρρον* 'топор, шило', лат. *castrō* 'обрезаю', *careō* (< **caseō*) 'не имею, лишен, воздерживаюсь', *castrum* 'укрепление, лагерь', др.-инд. *śāsti*, *śāsati* 'режет, убивает', *śastrām* 'нож, кинжал', *śastah* 'убитый'. При этом не все исследователи включают латинские слова с корневой огласовкой *a* в данную группу этимологически родственных слов. Если в словаре Вальде—Гофмана эти латинские слова безоговорочно сопоставляются с соответствующими гре-

⁴ V a s m e r II, стр. 639; F r a e n k e l I, стр. 226; там же дальнейшая литература.

⁵ A. M e i l l e t. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338; F r a e n k e l, стр. 227.

чекскими и древнеиндийскими словами⁶, то Я. Фриск отмечает необычность гласного *a* в корнях латинских и некоторых греческих слов в соответствии к чередующимся *e:o* в остальных случаях⁷, большинство же других авторов этимологических словарей о возможности связи этих слов со словами на *kes-:kos-* вовсе не упоминают. Настороженность части исследователей по отношению к таким словам с корневым *a* вызвана общеизвестным положением об абсолютной изолированности гласного *a* от чередующихся индоевропейских гласных *e:o*⁸. Но абсолютное отрицание какой бы то ни было связи между и.-е. *a* и чередующимися *e:o* вступает в противоречие с неоспоримыми фактами генетического родства ряда и.-е. форм, содержащих корневое *a*, с формами, в корнях которых выступают чередующиеся *e:o*. Ср. греч. *πετάνωμι* 'распростираю, разворачиваю', *πέταλος* 'распростертый, широкий', *πέτασος* 'широкополая шляпа' и *πατάνη* 'тарелка, блюдо', лат. *pateō* 'простираюсь, я открыт', *patulus* 'открытый, широкий', *patera* 'жертвенный сосуд'; лат. *secare* 'срезать, рассекать', *secūris* 'топор' и *sacena* 'топор, секира'; ст.-слав. *скопити*, лит. *skōpti* 'выдалбливать' и греч. *σκάπτω* 'выдалбливаю' и др. Как бы ни объяснять гласный *a* по отношению к *e:o* в таких корнях⁹, количество случаев непосредственной семантической связи между словами южноиндоевропейских языков с корневым *a* и словами с корневым *e:o* вполне достаточно для того, чтобы признать соответствующие корни генетически родственными и, таким образом, включить указанные латинские слова на *cas-(car-)* в одно этимологическое гнездо с семантически близкими им словами на **kes-*.

Семантическая близость приведенных слов греческого, латинского и древнеиндийского языков с рефлексом начального корневого *k̄* и рассмотренных выше слов славянских, балтийских и других языков с рефлексом начального корневого *k* уже давно замечена. Однако установившееся в индоевропейском языкознании последовательное и безоговорочное разделение *k* и *k̄* как двух абсолютно различных в генетическом отношении фонем служит для некоторых исследователей препятствием также и к допущению этимологической связи между этими двумя группами слов с рефлексами палатального *k̄* и непалатального *k*. Поэтому либо вообще ставится под сомнение родство

⁶ Walde—Hofmann I, стр. 179.

⁷ Frisk, стр. 806.

⁸ А. Мейе. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, стр. 174, 185—186; J. Kuryłowicz. L'apophonie en indo-européen, Wrocław, 1956, стр. 168, и др.

⁹ См.: F. de Saussure. Mémoire sur le système primitif des voyelles dans les langues indo-européennes. — «Recueil des publications scientifiques de Ferdinand de Saussure». Heidelberg, 1922, стр. 97—102; J. Kuryłowicz. L'apophonie. . . , стр. 176—177, и др.

корней *kes-*, *kos-* языков *satəm* с латинскими и греческими корнями *cas-*, *κε(σ)-*, которые на основании общепризнанных соответствий между языками *centum* и *satəm* безоговорочно признаются родственными древнеиндийским словам *śāsti* и др.¹⁰, либо рефлекс непалатального *k* в балто-славянских корнях *kes-*, *kos-* объявляется непервичным. Так, А. Мейе сформулировал в этой связи фонетический закон о диссимилятивном переходе в балто-славянском рефлексов палатальных задненёбных перед слогом со свистящими в задненёбные непалатальные¹¹. Этот закон остался фактически непризнанным из-за недостаточной обоснованности фактами¹². Между тем в свете собранного рядом исследователей, начиная с И. Шмидта, и убедительно объясненного в последнее время В. Георгиевым материала необходимость в законе диссимилятивного перехода заднеязычных для индоевропейского сравнительного языкознания полностью отпадает, так как единичные подобные случаи свободно покрываются более общим положением о чередовании палатальных и непалатальных заднеязычных во многих родственных словах индоевропейских языков — как в пределах одного и того же языка, так и от языка к языку¹³. Этим устраняются какие-либо препятствия к принятию прямого генетического родства славянских слов *чесать*, *коса* и др. не только с соответствующими словами, обнаруживающими рефлекс корневого непалатального *k*, но и с указанными древнеиндийскими словами на *ś-* и их греческими и латинскими соответствиями. Вместе с тем устраняется неестественный разрыв между греч. *κεσχίον* 'костра, пакля', сопоставляемым с *чесать*, *коса*, и греч. *κεάζω* 'раскалываю', *κείω* то же и др., увязываемыми с др.-инд. *śāsti* и т. п.

Включение в рассматриваемую этимологическую группу латинских, греческих и древнеиндийских слов со значениями 'колоть, рубить, резать' создает основание для включения в эту же группу таких слов, как русск. *косяк* 'колода, пень,

¹⁰ В е р н е к е р I, стр. 581; F r i s k, стр. 806; V a s m e r I, стр. 640.

¹¹ А. М е й л е т. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, стр. 178, 253; О н ж е. Indoiranica. — MSL IX. Paris, 1896, стр. 374. О н ж е, Varia, II. A propos de v. sl. *gōšĭ*. — MSL XIII. Paris, 1905, стр. 243—245; А. М е й е. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 24—25.

¹² В е р н е к е р, стр. 342 (под *gōšĭ*) и 581 (под *kosa*); F r i s k, стр. 806, и др.

¹³ В. Г е о р г и е в. Индоевропейские гутуралы. София, 1932; О н ж е. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958, стр. 28—57; ср.: J. S c h m i d t. Zwei arische a-Laute und die Palatalen. — KZ XXV. Berlin, 1881, стр. 114—118; Н. S k ö l d. Beiträge zur allgemeinen und vergleichenden Sprachwissenschaft. Lund, 1931, стр. 56—74; V. M a c h e k. Zur Vertretung der indogermanischen Palatale. — IF LIII. Berlin—Leipzig, 1935, стр. 89—96; О н ж е. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, стр. 224 (под *kosa* 2).

стояк, простой долбленный улей', *костёр* 'поленница, сложенные дрова, сруб, город', *косуля* 'соха' (первоначально 'нечто обрубленное', хотя может быть связано и с названием рытья, ср. лит. *kàsti*), *костыль*, укр. *костёр* 'сажень дров', *кóстур* 'костыль', польск. *kostur* то же, *kosior* 'кочерга, рукоятка кочерги', чеш. *kosiba* 'кривое дерево, судейский жезл', др.-англ. *hoss* 'ветка, отросток', возможно, также др.-инд. *kāṣṭhām*, *kāṣṭham* 'полено дров', *kāsāmbu* 'сажень дров'. Привлечение этих слов в свою очередь делает еще более очевидной генетическую связь между группами слов с рефлексам корневых *k* и *k̄*.

На фоне приведенного здесь материала представляется возможным и окончательное решение вопроса об этимологии греч. *κάστων* 'дрова'. Предлагавшееся Ф. Бехтелем и Г. Гюнтертом объяснение этого слова в связи с лат. *castrō* и т. д.¹⁴ некоторые авторы без достаточных оснований отвергают, проводя взамен этого сближение *κάστων* то с глаголом *καίω* 'гореть' (через предполагаемую переходную ступень *καυστόν* 'горючий')¹⁵, то с именем существительным *κᾶλον* 'дрова' (через восстанавливаемую форму **καλστων*)¹⁶. Однако слово *κάστων* как в фонетическом, так и в семасиологическом отношении сближается с лат. *castrare* значительно проще, чем с греч. *κᾶλον* или *καυστόν*. Включение греч. *κάστων* (в первоначальном значении 'нарубленное, насеченное') в одно этимологическое гнездо с лат. *castrō*, русск. диал. *косать* и др. исключительно хорошо согласуется с наличием в этом гнезде таких относящихся к дровам и обрубленному дереву названий из других индоевропейских языков, как русск. *костёр* 'поленница, сложенные дрова', *костыль*, *косяк*, *косуля*, укр. *костер* 'сажень дров', *костур*, польск. *kosior* 'кочерга, палка', чеш. *kosiba* 'кривое дерево', др.-англ. *hoss* 'ветка, отросток', др.-инд. *kāṣṭhām* 'полено' и др. Такая этимология греч. *κάστων* поддерживается и образованным от того же корня с нулевой огласовкой (**ks-*) греч. *ξύλον* 'дрова', лат. *silva* 'лес' и другими аналогичными образованиями из различных индоевропейских языков, о которых идет речь в следующем разделе.

Сопоставление семантики рассмотренных образований от корня *kes-* и его разновидностей в различных индоевропейских языках с отмеченными в некоторых славянских языках значениями глагола *česati* 'прикасаться, ударять, отламывать' приводит к предположению, что эти значения глагола *česati* могли

¹⁴ F. Bechtel. Die griechischen Dialekte, Bd. II. Berlin, 1921, стр. 86; H. Güntert. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde. — 1F XXXV. Berlin—Leipzig, 1927, стр. 346—347.

¹⁵ A. v. Blumental. Hesych-Studien. Stuttgart, 1930, стр. 18; Walde, стр. 179; Frisk, стр. 799.

¹⁶ V. Pisani. — «Rendiconti della Reale accademia dei Lincei», VI, 4. Roma, стр. 355—356.

быть унаследованы праславянским из индоевропейского наряду со значениями 'тереть, скрести, расчесывать'. Возможно, что остатки древних значений 'бить, рубить' сохраняются и в русском употреблении глагола *чесать* в смысле 'быстро, решительно, часто делать что-н.', укр. *зчесати* 'мгновенно срезать, срубить, снести (голову)' и т. д., хотя такое употребление воспринимается теперь как метафора на основе значения 'почесывать, скрести'.

Сначала Р. Раумером (свыше ста лет тому назад), а затем Г. Меллером было высказано положение о генетической связи индоевропейского корня *kes-/kos-* с семито-хамитским корнем *g-z-*. В словаре Г. Меллера в качестве соответствий индоевропейским образованиям от корня *kes-/kos-* приводятся такие слова семито-хамитских языков, как араб. *ğazza* 'отрезать, стричь', *ğazara* 'убивать, умерщвлять', *ğazama* 'отрезать, решать' (ср. еще *ğazzar* 'резник', *mağzir* 'бойня', *miğazz* 'ножницы', *ğaza'a* 'делить, разделять, разбивать на куски'), евр. *gēz* 'стрижка овец', *gāzaz* 'остригать', *gāzar* 'резать, делить, рубить (дерево), решать' (ср. еще *giza* 'настриженная шерсть', *gāzit* 'обтесанные камни'), евр.-арам. *maḏzārā miḏzārā* 'топор', ассир. *gizzu* 'стрижка', *maḏzōzā* 'серп', эфиоп. *gazama* 'рубил (дерево)'¹⁷. Вместе с другими индоевропейско-семито-хамитскими сопоставлениями, предложенными Г. И. Асколи, Р. Раумером, Ф. Деличем, Г. Меллером, А. Тромбетти, А. Кюни и др., это сопоставление наталкивается на слишком категорическое отрицание со стороны ряда индоевропейцев и семитологов. Нельзя, конечно, утверждать, что генетическое родство семито-хамитских и индоевропейских языков окончательно доказано. Однако учет тех положительных научных результатов, которые уже достигнуты в плане сравнительно-исторического изучения индоевропейских и семито-хамитских языков, представляется вполне целесообразным. Ввиду более обычного соответствия индоевропейского *k* семито-хамитскому *q*, а индоевропейского *s* семито-хамитскому *s* генетическое родство и.-е. *kes-/kos-* и сем.-хам. *g-z-* не может быть признано абсолютно очевидным. Тем не менее ряд довольно убедительных соответствий, в которых сем.-хам. *g* выступает вместо и.-е. *k*, а сем.-хам. *z* — вместо и.-е. *s*, делает во всяком случае допустимым и сопоставление и.-е. *kes-/kos-* с сем.-хам. *g-z-*. Ср.: лат. *ocris* 'каменистая гора', греч. *ὄκρις* 'вершина горы, острие', лит. *akmuō* 'камень' — араб. *ḥaḡar* 'камень, скала'; др.-инд. *śakti-* 'сила, умение, помощь', *śakrā-* 'сильный', *śaci* 'сила', *śaknōti* 'он сильный, может' — араб.

¹⁷ H. Möller. Vergleichendes indogermanisch-semitisches Wörterbuch. Göttingen, 1914, стр. 144; R. von Raumer. Die Urverwandtschaft der semitischen und indoeuropäischen Sprachen. — «Gesammelte sprachwissenschaftliche Schriften». Frankfurt a. M.—Erlangen, 1863, стр. 532.

šaḡu'a 'быть мужественным, сильным, ободрять'; ст.-слав. *коло*, прусск. *kelan* 'колесо', греч. *κόκλος* 'круг, колесо' — евр. *gilgāl* 'колесо', *g-l-l* 'катиться', амхар. *g^h-l-l* 'катиться'; др.-инд. *kulva-*, *átikālvaḥ* 'лысый', лат. *calvus* 'лысый' — араб. *ḡaliḥa* 'быть лысым, лысеть'; др.-инд. *camati* 'хлебает', н.-перс. *camīdan* 'пить' — ивр. *gāmā* 'хлепать'; лат. *currō* 'бегу', др.-инд. *kurdati* 'прыгает' — ассир. *gararu* 'бежать', араб. *ḡarā* 'течь, бежать'; лат. *cavus* 'пустой, полый', греч. *κοίλος* (< *κοΐλος*), ср.-ирл. *cūa* то же — евр.-арам. *gauḡā* 'внутренность, середина', араб. *ḡauḡafa* 'делать полым', *ḡauf* 'полость'; ст.-слав. *текъ, токъ*, лит. *tekù*, *tekėti* 'течь', др.-инд. *tākti* 'спешит', авест. *tačaiti* 'бежит' — араб. *ḡaḡḡa* 'течь', *ḡaḡiḡu* 'поток', а также др.-инд. *bhāsaḥ* 'хищная птица' — араб. *bāz*, *ba'z* 'сокол'; лат. *osceп* 'вещая птица', ст.-лат. *osmen* (> *ōmen*) 'знак, предзнаменование' — араб. *ḡazā* 'угадывать', *ḡāzi* 'предсказатель', *ḡazara* 'угадывать', евр. *ḡāzā* 'видеть' (особенно о пророческих видениях), *ḡōzē* 'ясновидец, пророк'; лит. *siėti* 'связывать', др.-инд. *syāti*, *sināti* 'связывает', хет. *išḫiḡa-*, *išḫāi* 'вязать' — араб. *ḡazama* 'связывать'; др.-инд. *sāmā* 'половина года, время года, год', *sāmi* 'односторонний, половина', авест. *ham-* 'лето, год', др.-ирл. *sam*, др.-кимр. *ham* 'летняя половина года', арм. *am* 'год', др.-в.-н. *sumar* 'лето', греч. *ἡμι-*, лат. *sēmi-*, др.-в.-н. *sāmi-* 'полу-' — араб. *zaman*, *zamān* 'время, продолжительность (< полгода, время года)', эфиоп. *zaman* 'время года, время', евр.-арам. *zimna* 'время, раз'; ср.-в.-н., н.-в.-н. *summen* 'напевать', гот. *siggvan* 'петь и др.', др.-в.-н. *singan* 'петь', греч. *ὄμφή* 'голос' — араб. *zamzama* 'рокотать, бормотать', сир. *zam* 'жужжать, звучать', сир., евр. *z-m-r* 'петь'; ст.-лат. *semol*, *semul*, лат. *simul* 'одновременно, совместно', *semel* 'один раз', *similis* 'подобный' — араб. *zumla* 'сообщество', *zamīl* 'спутник, товарищ', *zamāla* 'товарищество'; др.-инд. *sāmāna-m* 'совместность, собрание', *samanā* 'вместе, одновременно', гот. *samana*, др.-в.-н. *saman*, 'вместе', *samanōn* 'собирать', греч. *βραδος* 'собрание, множество, толпа' — сир. *z-m-n* 'собираться, сходиться', ивр. *zimmūn* 'встреча в одном месте, приглашение'; др.-англ. *serðan* 'coige', ср.-в.-н. *serten* 'бесчестить, позорить' — араб. *zaradānu* 'vulva' и т. д. Реальность звукового соответствия и.-е. *k* — сем.-хам. *g* подтверждается и общеизвестными фактами чередования *k* : *g* внутри индоевропейской и внутри семито-хамитской языковых семей в отдельности. Ср. и.-е. *kem-* : *gem-* (др.-инд. *camati* 'хлебает' : *jamati* то же) — сем. *g-m* : *q-m* (ивр. *gāmā* 'хлепать' : араб. *qamta* 'поедать') и т. п. В ряду приведенных индоевропейско-семито-хамитских соответствий связь и.-е. *kes-/kos-* с сем.-хам. *g-z-* представляется не менее вероятной, чем многие принимаемые в науке внутрииндоевропейские этимологические связи. Поэтому вряд ли могут быть указаны серьезные основания для категорического отмежевания семито-хамитских слов с кор-

нем *g-z-*, обозначающим резание, рубку, битье, от рассматриваемого в данном случае индоевропейского этимологического гнезда.

На основании привлеченных до сих пор наиболее очевидных данных индоевропейских языков индоевропейский корень, лежащий в основе образований, принадлежащих к данному этимологическому гнезду, может быть представлен в следующих древнейших звуковых разновидностях: *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-*, *kes-*, *kos-*, *kas-*, *ks-*. Путем сопоставления с соответствующими данными семито-хамитских языков этот индоевропейский корень может быть возведен к двум разновидностям ностратического корня — *g-z-*, *ġ-z-* — с огласовкой, не поддающейся в настоящее время точному определению.

Семантика рассмотренных образований от корня *kes-* и его разновидностей в различных индоевропейских языках свидетельствует о том, что круг значений этого корня уже в праиндоевропейский период был довольно широким, но вместе с тем цельным и неразрывным. Исходя из семантики приведенных образований этот круг можно представить в виде замкнутого ряда следующих современных конкретных значений: 'бить—трогать—чесать—царапать—скрести (и резать)—рыть—копать—втыкать—колоть—резать—рубить (и умерщвлять)—раскалывать—бить (и умерщвлять)'. В семито-хамитском корне *g-z-* этот круг значений представлен лишь одним его участком — 'резать—рубить—умерщвлять—бить'.

В настоящем разделе не были рассмотрены древнейшие индоевропейские образования от редуцированной ступени корня *ks-* (*ks-*), а также ряд собственно славянских образований от полной ступени корня с огласовкой *e*, *o*. Этот довольно многочисленный и разнообразный материал, требующий более специального освещения, приведен в следующих разделах. Освещение этого материала не только определяется результатами анализа древнейшего слоя индоевропейских слов с корнем *kes-* и его нередуцированными разновидностями, но в свою очередь и дополняет и уточняет общую характеристику всего этимологического гнезда в целом.

ОБРАЗОВАНИЯ ОТ РЕДУЦИРОВАННОЙ СТУПЕНИ КОРНЯ **ks-*, **ks-*

Особого рассмотрения заслуживает вопрос о производных образованиях различных индоевропейских языков от корневого элемента *ks-* (*ks-*), представляющего собой ступень редукции корня *kes-/kos-* (*kes-/kos-*). Установление этих образований крайне осложняется тем обстоятельством, что в большинстве индоевропейских языков сочетание согласных *ks*, особенно в начале слова, подверглось различным упрощениям, в результате которых первоначальный корень в некоторых словах полностью исчез, в боль-

шинстве же случаев приобрел трудно идентифицируемую звуковую форму. Вместе с тем редукция корневого элемента сопровождалась как правило особенно значительным усложнением соответствующих образований многочисленными суффиксальными элементами, видоизменявшими первоначальную семантику корня в различных направлениях.

Наиболее адекватное отражение индоевропейской разновидности корня **ks-* сохранилось в греческом языке, в котором звуко сочетание *ks* в начале слова не только является прямым продолжением индоевропейского состояния, но и не возводится в этой позиции ни к какому другому индоевропейскому звуко сочетанию. Именно поэтому рассмотрение образований от индоевропейского корневого варианта **ks-* удобнее всего начать с фактов греческого языка.

Общепризнано наличие ступени редукции корня **kes-/kos-* в греческих глаголах ξέω 'строгаю, обтачиваю, обтесываю, лощу', ξύω 'скоблю, скребу, строгаю, чешу', ξαίνω 'чешу, расчесываю, молочу, бью' и в производных от этих глаголов словах ξέσις 'лощение, вырезывание', ξέσματα мн. 'стружки; резные предметы', ξάανον '(резная) фигура бога', ξοῖς 'резец', ξύσις 'скобление, царапание', ξύσμα 'оскребок, стружка', ξυσμή 'вырезанная черта; чесотка', ξυσμός 'зуд, раздражение', ξυστήρ 'скребок, скобель', ξύστρα 'скребок, скребница', ξύστρον 'скребок, серп, коса', ξυτήλη 'скребок, кинжал', ξυρόν 'бритва', ξάντης 'чесальщик шерсти', ξαντική 'искусство чесания шерсти', ξάσμα 'прочесанная шерсть', ξάνσις 'чесание шерсти', ξάνιον 'гребень для чесания шерсти' и др.¹⁸ Не достигнуто единого мнения относительно принадлежности к этому гнезду слова ξύλον 'срубленные лес, бревна, балки, поленья, дрова, дерево', которое приводил в этой связи уже А. Фик и впоследствии рассматривали Э. Цуница, К. Бругман, Э. Бузак, Э. Швицер, Г. Гюнтерт, И. Х. Дворецкий и др.¹⁹ П. Персон выступил против сближения ξύλον с ξύω, реконструировав для ξύλον на основе сопоставления его с лит. šūlas 'столб', и др., блр. (и укр.) шўла 'столб', ст.-слав. слѣма 'бревно, перекладина' индоевропейский корень *(*k̑*)seuel- с факультативным палатальным *k̑*²⁰. Точку зрения П. Персона поддержали П. Шан-

¹⁸ Frisk, стр. 332, 335, 340—342; Walde I, стр. 173; A. Meillet. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338.

¹⁹ Fick³ I, стр. 236; K. Brugmann, B. Delbrück. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd. I. 2-e Aufl. Strassburg, 1906, стр. 363; Boisacq, стр. 679; E. Schwyzler. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939; стр. 269; H. Güntert. Kleine Beiträge zur griechischen Wortkunde. — IF 45, 1927, стр. 346—347; И. Х. Дворецкий. Древнегреческо-русский словарь, т. II. М., 1958, стр. 1147.

²⁰ P. Persson. Beiträge. . ., I, стр. 379—380.

трен, И. Гофман, Я. Фриск и др.²¹ Однако славянские соответствия греч. ξύλον и лит. šūlas — блр. и укр. шўла 'столб', укр. шўльгбвина 'бревно', ст.-польск. szulo то же, с.-хорв. шўль 'чурбан, колода', шўльак то же, словен. šūlj, šūljek то же — вряд ли могут рассматриваться в качестве однозначных отражений индоевропейского начального *k̑s* с палатальным *k̑*. Если даже признать возможным приведение в эту связь ст.-слав. слѣмъ, которое могло бы восходить к **k̑sel* или **sel*, то и в таком случае с.-хорв. шўль, словен. šūlj, укр. шўльгбвина (а может быть, и укр. и блр. шўла, если они не заимствованы через польск. szulo из немецкого, ср. др.-в.-н. sūl 'колонна') могут восходить как к варианту основы **k̑seuel-*, в которой согласно общепринятому положению, установленному Й. Шмидтом, сочетание *k̑s* изменилось в *s*²², слившееся затем с последующим *j* из *eu* (> *jū*) в *š*, так и к вариантам **k̑seul-* или **k̑soul-* с непалатальным *k̑*. Но и окончательное решение в пользу **k̑seul-*, если бы оно было подтверждено убедительными фактами, не могло бы стать основанием для отрыва греч. ξύλον от ξόω, подобно тому как нет оснований для отрыва др.-инд. śāsti 'режет', śastrām 'нож' от лат. castrō 'обрезаю' и др. В свете отмеченного выше массового чередования палатальных заднеязычных с непалатальными в одних и тех же индоевропейских корнях, наиболее обстоятельно освещенного в работах В. Георгиева, здесь может идти речь не более чем о двух разновидностях одного и того же индоевропейского корня — **k̑s-* и **k̑s-*. Таким образом, греч. ξύλον включается в один ряд с ξόω и другими словами с начальным **k̑s-*, представляющим редуцированную ступень корня **kes-/kos-*. В этой связи ξύλον 'дрова' составляет замечательную семантическую параллель к упомянутому выше греч. κάστων 'дрова', содержащему другую разновидность того же корня, а этот параллелизм в свою очередь является дополнительным подтверждением правильности именно такого истолкования обоих греческих слов.

Важное значение для этимологии индоевропейского имени числительного, обозначающего 6, а также ряда других слов индоевропейских языков имеет вопрос об истолковании греческих слов ξέστης 'кружка; мера жидких и сыпучих тел' и ξέστριξ (κρίθη) 'шестирядный (ячмень)'. Мнение Ф. де Соссюра и Г. Остхофа о древнем характере начального *ξ* в этих словах, восходящего к начальному *ks-* в индоевропейском числительном **k̑seks*

²¹ P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933, стр. 240; Hofmann, стр. 222; Frisk, стр. 338—339.

²² J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 120—121; F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — MSL VII. Paris, 1882, стр. 77 (перепеч. в «Recueil des publications scientifiques de F. de Saussure», стр. 438); P. Persson. Beiträge. . ., стр. 383.

‘шесть’²³, в настоящее время не принимается, греческие же формы считаются результатом метатезы внутреннего *k* в начало слова, причем для ξέστριξ предполагается доисторическая форма *σεξ-στριξ или *σFεξ-στριξ, а ξέστης объясняется как обратное образование от предполагаемой греческой формы *σεξταριον, в которой якобы было заимствовано лат. *sextarius* ‘секстарий’ (мера жидких и сыпучих тел, равная 1/6 конгия) и которая на греческой почве могла восприниматься как деминутивная²⁴. Это новое объяснение исходит из двух произвольных предположений: о том, что форма *σ(F)εξ- является единственно возможной греческой формой индоевропейского корня, обозначающего число 6, и о том, что из двух значений греч. ξέστης — ‘кружка’ и ‘мера объема, составляющая шестую часть большей меры’ — последнее значение, параллельное значению лат. *sextarius*, является первичным²⁵. Между тем неопровержимо обоснованная де Соссюром индоевропейская форма корня со значением числа 6 в виде *ksyeks и данное им же освещение различных рефлексаций этого корня по отдельным индоевропейским языкам как различных результатов упрощения начальной группы согласных с выпадением какой-либо одной из трех согласных²⁶ позволяют объяснить греч. ξέσ- в слове ξέστριξ как один из греческих фонетических вариантов индоевропейского *ksyeks-, в котором выпадение внутреннего *k* было вызвано известной тенденцией греческого языка к упрощению группы *kst*²⁷. Такое объяснение предполагает, естественно, что сложное слово *ksyeks-striks- возникло до начала действия индоевропейской тенденции к упрощению соответствующих групп из трех согласных. При этом другая рефлексация этого же корня в виде обычного греч. έξ, т. е. *σ(F)εξ (*syeks), с выпадением начального *k* может быть объяснена тем, что на выбор подлежащего устранению согласного звука в начальной группе из трех

²³ F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indoeuropéen. — MSL VII, стр. 77 («Recueil des publications scientifiques», стр. 439); H. Osthoff. Griechische und lateinische Wortdeutungen (Dritte Reihe). — IF VIII. Strasbourg, 1897, стр. 12—14.

²⁴ G. Meyer. Neugriechische Studien, III. Wien, 1895, стр. 49 («Sitzungsberichte d. kais. Akademie der Wissenschaften. Philos.-hist. Klasse» 132, III); K. Brugmann. Griechische Grammatik. 3-te Aufl. München, 1900, стр. 137; Boisacq, стр. 678; E. Schwyzer. έξτρανός. — KZ 56. Göttingen, 1929, стр. 310; Он же. Griechische Grammatik, Bd. I. München, 1939, стр. 269; Frisk, стр. 335 (по недосмотру Фриск приписывает де Соссюру реконструкцию начального *ks* с палатальным *k* в п.-е. *ksyeks- вместо предполагаемого де Соссюром в действительности *ks* с *k* непалатальным).

²⁵ В принципе подобное соотношение этих двух значений слова ξέστης вполне возможно; ср. аналогичное развитие значения укр. диал. *квάρта* ‘кружка металлическая’ из значения ‘четверть гарнца’.

²⁶ F. de Saussure. Recueil des publications scientifiques, стр. 435.
²⁷ Об этой тенденции см.: E. Schwyzer. έξτρανός. — KZ 56, стр. 310.

согласных повлияло стремление к диссимиляции начального и конечного сочетаний *ks*. Настоящее объяснение не является обоснованием включения греч. ξεσ-, ἕξ в этимологическую группу слов с корнем *kes-/kos-/ks-*, оно лишь поддерживает мнение де Соссюра о первоначальном наличии в корне различных индоевропейских вариантов обозначения числа 6 начальной группы *ks*. Однако не исключена возможность, что начальное *ks-* в корне *ksyeks-* является именно редуцированной ступенью корня *kes-/kos-*. В таком случае общее значение 'шесть' могло возникнуть из конкретного значения определенной меры длины ('обрезка', 'палки', ср. рассматриваемое дальше русск. *шест*) или меры объема, вначале просто сосуда (чего-то выдолбленного, ср. упоминаемое дальше слав. *чаша*). Именно общее значение сосуда, восходящее к одному из свойственных корню *kes-/kos-/ks-* первоначальных значений 'долбить' или 'вырезать', могло быть первичным у греч. ξέστης 'секстарий; кружка', которое в таком случае, несмотря на его позднюю фиксацию в памятниках, должно быть признано исконно греческим (ср. отглагольное прилагательное ξεστός 'скобленный, полированный, сделанный из полированного дерева или камня, гладкий'). При этом в качестве семантической параллели в пределах образований от того же корня можно было бы привести образованное от ступени *kes-* с секундарным удлинением слав. *чаша* (см. дальше). При первоначальном значении 'сосуд, кружка' значение 'секстарий', связанное с числом 6, вовсе не обязательно должно было возникнуть в качестве закономерного результата внутреннего семантического развития слова ξέστης; это слово, близкое по своему звуковому составу к лат. *sextarius*, просто могло быть использовано на соответствующем этапе для перевода латинского слова и тем самым выведено из сферы бытового употребления в сфере литературного языка.

Часть исследователей возводит к и.-е. корню *kes-/kos-/ks-* также греч. ξίφος (*σξίφος*) 'меч' с рядом производных²⁸. Особого внимания заслуживает недавно предложенное Б. Чопом сопоставление греч. ξίφος с осет. *äxsirf* (в словаре В. И. Абаева²⁹ — *äxsyrf*, *xsyrf*) 'серп' и возведение обоих слов к и.-е. прилагательному *ksiph-ró-s* 'острый, режущий'³⁰. Однако ввиду того, что истолкование этого слова как заимствования из восточных (вероятно, семитических) языков (ср. арам. *sajfā* 'меч', араб. *saifun*, егип. *sēfet* то же) представляется на данном этапе не

²⁸ А. F i c k. Vergleichendes Wörterbuch, Bd. I. 3-te Aufl., Göttingen, 1874, стр. 808; Bd. II, стр. 267; К. В r u g m a n n. Griechische Grammatik, стр. 136 (предполагается разновидность корня *ks-*, содержащаяся и в др.-инд. *śasati* 'режет') и др.

²⁹ А б а е в I, стр. 222.

³⁰ В. Ч о п. Beiträge zur indogermanischen Wortforschung, I. — KZ 74. Göttingen, 1956, стр. 231—232.

менее убедительным³¹, вопрос о его принадлежности к рассматриваемому этимологическому гнезду придется оставить открытым.

Подобно греческому языку индоевропейское сочетание согласных *ks* в начале слов сохраняется также в древнеиндийском (в виде *kṣ*) и частично в древнеиранском (в виде *xš*, обычно упростившегося в *š*). При этом сочетание с палатальным *k̄* (*k̄s*-) в древнеиндийском совпало в одном рефлексе с сочетанием, содержащем непалатальное *k*, между тем как в авестийском языке рефлексом сочетания *k̄s*- является (*š*)*š*, отличающееся от *xš*³². Но, в отличие от греческого языка, начальные сочетания согласных *kṣ* и *xš* в древнеиндийском и соответственно древнеиранском языках генетически не однозначны, так как могут восходить не только к и.-е. *ks*-, но и к *ghs*-, а также к сочетаниям заднеязычных согласных с согласными *ḥ*, *ḥh*, *ḍ*, *ḍh* (*kḥ*-, *k̄ḥ*-, *gḥ*-, *k̄ḥh*-, *ḡḍh*-, *g̃ḍh*- и т. д.) и к некоторым другим звуковым элементам.

К числу несомненных образований от редуцированной ступени рассматриваемого индоевропейского корня *ks*- (*k̄s*-) в древнеиндийском и авестийском языках принадлежат др.-инд. *kṣádāte* 'раскладывает, разделяет, убивает', *kṣattār* 'человек, подкладывающий кушанья', *kṣádma* 'нож для подкладывания кушаний', авест. *šanman* (< **šadman*) 'острие'³³, др.-инд. *kṣuráh* 'бритва', соответствующее греч. *ξυρόν* то же, производному от *ξύω* 'скоблю, скребу'³⁴, и др.-инд. *kṣṇáuti* 'точит, острит', *kṣṇótram* 'точильный камень', авест. *hu-xšnu-tō* 'хорошо выостренный'³⁵. Не лишено оснований, в свете разработанной Г. Якобссоном и др. этимологии славянского слова *час* (см. дальше), предположение И. Шефтеловица о принадлежности к рассматриваемой этимологической группе также др.-инд. слов *kṣanaḥ*, *kṣanam* 'миг, мгновение' как восходящих к и.-е. **k(e)s-enō*-³⁶, хотя большинство исследователей предполагает связь этих слов с др.-инд. *ákṣi* 'глаз'³⁷. Вполне очевидна принадлежность к гнезду с корневым

³¹ Н. L e w y. Die semitischen Fremdwörter im Griechischen. Berlin, 1895, стр. 176—177; F r i s k, стр. 336—337; А. А. Б е л е ц к и й. Принципы этимологических исследований (На материале греческого языка). Киев, 1950, стр. 79—80, и др.

³² J. S c h m i d t. Zwei arische a-Laute. . . , стр. 120—121.

³³ M a y r h o f e r, стр. 285.

³⁴ Там же, стр. 292.

³⁵ Там же, стр. 295.

³⁶ J. S c h e f t e l o w i t z. Die verbalen und nominalen *sḥ*- und *sk*-Stämme im Baltisch-Slavischen und Albanischen. — KZ 56, 3/4. Göttingen, 1929, стр. 209.

³⁷ M a y r h o f e r, стр. 284; L a T e r z a. — «Rivista indo-greco-italica» 9. Napoli, стр. 116; P. P e r s s o n. Beiträge. . . , II, стр. 570; J. W a c k e r n a g e l, A. D e b r u n n e r. Altindische Grammatik, Bd. II (2). Göttingen, 1954, стр. 197.

и.-е. *ks-* древнеиндийского *kṣodati* 'растаптывает, толчет', *kṣodaḥ* 'мука, порошок'. а также сопоставляемого с этими словами др.-инд. *kṣudrāḥ* 'малый, низкий, незначительный' (сравни. степ. *kṣodīyān*, превосх. степ. *kṣodīṣṭhaḥ*), *kṣullah*, *kṣullakāḥ* 'малый, крошечный'³⁸ (по-видимому, первоначально 'оббитый, обрубленный, обломанный'). Возможно, сюда же следует отнести др.-инд. *kṣūt*, *kṣudhā* 'голод', *kṣūdhyati* 'ощущает голод', *kṣódhukah* 'голодный', авест. *šud* 'голод' (ср. хет. *kast-* 'голод', тох. А *kašt* то же). Обычно др.-инд. *kṣudhā* и его производные рассматриваются вне связи с др.-инд. *kṣodati*, хотя вместе с тем делаются попытки сопоставления *kṣudhā* со слав. *xudъ*, с которым более решительно сопоставляется *kṣodati*³⁹. Одним из оснований для отрыва *kṣudhā* от *kṣodati* служит обнаруживаемое в авестийских соответствиях различие индоевропейских заднеязычных *k̄* и *k* в этих словах, хотя, как уже отмечено, это различие в действительности характеризует лишь разные варианты одного и того же корня. Более того, поскольку слав. *xudъ* несомненно восходит к варианту *ks-* с непалатальным *k*, сопоставление с ним др.-инд. *kṣudhā*, авест. *šud-* возможно лишь при условии генетического отождествления вариантов корня *ks-* и *k̄s-*.

Сохраняющийся в др.-перс. *xšvaš* 'шесть', пракр. *chā*, *chaṭṭho* 'то же' рефлекс начального *ks-* в др.-инд. *ṣaṣ* (*ṣaṭ*) не отражен. По мнению де Соссюра, *ṣaṣ* является результатом контаминации двух возможных в древнеиндийском рефлексаций и.-е. **ksueks*, именно **ṣakṣ*, и **kṣaṣ*⁴⁰. Вместе с родственными греч. ἕξ 'шесть', ἕξτης 'кружка' индо-иранские формы числительного 'шесть' могут быть возведены к корню *ks* (: *kes-*).

Помимо указанных связей, с той или иной точки зрения уже рассматривавшихся в литературе, очень вероятной на фоне общей семантики индоевропейских образований от корня *kes-* и его вариантов представляется принадлежность к числу этих образований также др.-инд. *kṣipāti* 'бросает, швыряет' (вероятно, первоначально 'ударяет', как и в некоторых других подобных случаях — ср. русск. *шибать*), *kṣepaḥ* 'бросок, метание', *kṣipraḥ* 'быстрый', авест. *xšviw-*, *xšviwrō* то же. С такой же степенью уверенности к рассматриваемому гнезду может быть присоединено и не объясненное до сих пор др.-инд. *kṣupaḥ* 'куст' (первоначально, может быть, 'розги, хворост, обломанные ветки'). По всей видимости, и.-е. *ks-* лежит и в основе др.-инд. глагола *kṣālāyati* 'отмывает, чистит' (первоначально, может быть, 'скребет,

³⁸ Maughofer, стр. 291, 294.

³⁹ Maughofer, стр. 291, 294; V. Machek. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen. — «Slavia», г. XVI, seš. 2—3. Praha, 1939, стр. 174.

⁴⁰ F. de Saussure. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — «Recueil des publications scientifiques», стр. 438—439; ср.: J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 121—122.

скоблит'), необедительно и не очень уверенно сопоставляемого Майрхофером с авест. *γžaraye'ti* 'пускает (позволяет) течь, источает'⁴¹. Следовало бы рассмотреть в этом плане также не объясненные др.-инд. *kšvedah* 'яд' и *kšavakah, kšutah, kšutakah, kšujjanikā* 'черная горчица'.

В особом освещении нуждаются древнеиндийские и древнеиранские образования на *kš-*, *xš-* со значением повреждения, уничтожения и т. п.; ср. др.-инд. *kšáyati* 'уничтожает', *kšanóti* 'ранит', *kšináti* 'разрушает, уничтожает', *kšinóti* то же, *kšarayatí* то же, *kšīyate* 'исчезает', *kšayáh* 'потеря, разрушение', *kšatih* 'уничтожение, повреждение', *kšítih* 'исчезновение, разрушение', *kšitáh* 'истощенный', *kšatah* 'поврежденный', авест. *xšayō* 'чтобы испортить', *xšyō* (род. п.) 'исчезновения, нужды', др.-перс. *axšata* 'невредимый, неповрежденный'. Как в семантическом, так и в фонетическом отношении эти образования, рассматриваемые в системе всех соответствующих лексических данных древнеиндийского и авестийского языков, исключительно хорошо укладываются в общую систему индоевропейских образований от и.-е. *ks-* как редуцированной ступени корня *kes-*. Однако возведение этих индоиранских образований к и.-е. *ks-* оказывается невозможным ввиду установленного уже раньше соответствия др.-инд. *kšináti* 'разрушает, уничтожает', *kšitáh* 'истощенный' — греч. φθίνω 'исчезаю, гибну', φθιτός 'погибший, подверженный убыли', а др.-инд. *kšanóti* 'повреждает, ранит' — греч. κτείνω 'умерщвляю', κτενός 'убийство'⁴². При этом прямое фонетическое соответствие др.-инд. *kšináti* и греч. φθίνω принимается иногда настолько безоговорочно, что даже отвергается явное родство др.-инд. *kšináti* 'разрушает, уничтожает' и авест. *xšayō* 'чтобы испортить'⁴³. Между тем происхождение греческих звуковых форм с *κτ-*, *χθ-*, *φθ-* и их кельтских соответствий до сих пор остается настолько неясным⁴⁴, что эти формы вряд ли могут служить основанием для отрыва рассматриваемых индоиранских образований от того этимологического гнезда, с которым они самым естественным образом связаны. Ввиду этого все еще представляется обоснованным предположение К. Бруг-

⁴¹ M a u r h o f e r, стр. 288; ср.: V. M a s h e k, Untersuchungen. . . , стр. 174; F. K o r š. [Рец. на кн.:] И. В. Н е т у ш и л. Об аористах в латинском языке. — AfsI Ph VII. Berlin, 1884, стр. 101.

⁴² К. B r u g m a n n, В. D e l b r ü c k. Указ. соч., I, стр. 790—791; M a u r h o f e r, стр. 284, 289.

⁴³ M a u r h o f e r, стр. 289; ср.: W a l d e—P o k o r n y I, 1929, стр. 506.

⁴⁴ Ср.: W. B r a n d e n s t e i n. Streifzüge, I. Die indogermanischen Spiranten θ und δ. — «Glotta» 25, 1936; J. K u r y ł ó w i c z. — «Actes du 4-me Congrès international des linguistes (1936)». Copenhague, 1938, стр. 63; É. V e n e t i s t e. Le problème du θ indo-européen. — Там же, стр. 264 сл.; Вяч. Вс. И в а н о в. Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы. М., 1965, стр. 24—35.

мана о том, что и.-е. θ , δ , содержащиеся в греческих сочетаниях $\chi\theta$, $\varphi\theta$, могли возникнуть при каких-то неизвестных условиях из s ⁴⁵.

Данные индоевропейских языков, допустивших совпадение рефлекса начального сочетания *ks-* с рефлексом простого *s-*, в деле освещения рассматриваемых индоевропейских образований играют не столь важную роль, как данные индо-иранских языков. Из числа несомненно относящихся к этимологическому гнезду производных от индоевропейского корневого элемента *ks-* (*ks-*) в латинском языке могут быть названы лишь лат. *silva* 'лес', сопоставляемое через предполагаемую более древнюю ступень **kselva* с греч. $\xi\acute{o}\lambda\omicron\nu$ 'дерево'⁴⁶, лат. *sentis* 'терновник', *sentus* 'тернистый, шероховатый', сопоставляемые с греч. $\xi\acute{\alpha}\iota\nu\omega$ 'чесать'⁴⁷, и лат. *sex* 'шесть' (из **ksek-*). С меньшей уверенностью сюда же может быть отнесено лат. *situs* 'плесень, грязь, ржавление, увядание', сопоставляемое с др.-инд. *kṣināti* 'уничтожает'⁴⁸, и лат. *sitis* 'жажда', которое соответствует др.-инд. *kṣudh-* 'голод'. Корневой элемент **ks-* полностью утрачен в лат. *novacula* 'острый нож; бритва', возводимом к основе **ks-neu-* и сопоставляемом с др.-инд. *kṣṇauti* 'острит, точит, трет', *kṣṇōtram* 'точило' и т. д.⁴⁹ Из германских соответствий здесь в первую очередь может быть названо гот. *sauls* 'колонна, столб', др.-в.-н. *sūla* то же (совр. нем. *Säule*), сопоставляемое с греч. $\xi\acute{o}\lambda\omicron\nu$, лат. *silva*, и гот. *saihs* 'шесть', др.-в.-н. *sehs* то же. Ниже будут приведены еще факты, отражающие метатезу и упрощение в корневом *ks-*.

Особенно актуальным является вопрос об образованиях от индоевропейского корневого элемента *ks-*, *ks-* в славянских и балтийских языках. 50 лет тому назад А. Мейе считал, что *ks-* как нулевая ступень корня *kes-* в славянских языках вообще не представлена⁵⁰. Однако шесть лет спустя П. Персон уже сопоставлял с греч. $\xi\acute{o}\lambda\omicron\nu$ 'дерево' русск. *шýло*, с.-хорв. *šúlǎj*⁵¹, а еще через четыре года Г. А. Ильинский насчитывал не менее семи лексических основ славянских языков, образованных именно от этой нулевой ступени индоевропейского корня **kes-*,

⁴⁵ К. В р u g m a n n, В. D e l b r ü c k. Указ. соч., I, стр. 790; ср.: É. B e n v e n i s t e. Указ. соч., стр. 264—266.

⁴⁶ W a l d e II, стр. 537.

⁴⁷ Там же, стр. 516; P. P e r s s o n. Studien zur Lehre von der Wurzelweiterung und Wurzelvariation. Uppsala, 1891, стр. 135; О н ж е. Beiträge. . ., I, стр. 356—358.

⁴⁸ W a l d e II, стр. 549; F. d e S a u s s u r e. Les formes du nom de nombre «six» en indo-européen. — MSL VII, стр. 76 («Recueil des publications scientifiques», стр. 438); К. В р u g m a n n, В. D e l b r ü c k. Указ. соч., I, стр. 675, 790—791.

⁴⁹ W a l d e II, стр. 178.

⁵⁰ A. M e i l l e t. Les alternances vocaliques. . ., стр. 338.

⁵¹ P. P e r s s o n. Beiträge. . ., I, стр. 383.

в том числе русск. *шип*, *хвоя*, *шут*, *худ*, *хилить* (*хинить*), ст.-слав. *хоусити* 'грабить' и с.-хорв. *шўга* 'парша, чесотка'⁵².

Фонетической основой этимологизирования соответствующих славянских образований является установленное Й. Шмидтом и в настоящее время, пожалуй, общепринятое положение, согласно которому и.-е. *ks-* с непалатальным *k* в славянских языках отражается в виде *x* (перед гласными переднего ряда — *š*), между тем как рефлексом *ks-* (с палатальным *k̆*) является общеслав. *s*. Что же касается предположения Й. Шмидта о различии рефлексов *ks* и *k̆s* в литовском языке между гласными в виде *š* и *ks*⁵³, то оно, по крайней мере для начала слова (в положении перед гласным), не соответствует действительности, так как в этом положении оба варианта сочетания выступают в литовском языке в виде *š* (в латышском — *s*). Вместе с тем балто-славянские, как и другие индоевропейские, соответствия дают основание предположить, что в ряде случаев начальное сочетание *ks-* здесь подвергалось метатезе в *sk-*.

Среди балто-славянских образований от и.-е. *ks-* (: *kes-*) должна быть в первую очередь названа группа слов с основной *šul-*, обнаруживающая в целом довольно разветвленную семантику. Сюда принадлежат, в частности, словен. *šūliti* 'гладить, скрести', *šūlj*, *šūlj(ə)k* 'чурбан, отрубленный ствол дерева', *šūla* 'овца с маленькими (вначале, вероятно, «с обрезанными» или «отбитыми») рогами (ушами)', с.-хорв. *шўль* 'чурбан, колода', *шўльак* то же, укр. *шўла* 'столб в заборе, в стене', *ушўла* то же, *шўльговина* 'бревно', *шўлий* (о воле) 'с рогами вниз', *шўльгá* 'левша' [первоначально 'лишенный (правой) руки, обрубленный'], русск. *шўло* 'заборный столб', блр. *шўла*, *шўлó* 'столб в строении; веревя', польск. *szulo* 'столб' (в строении), лит. *šūlas* 'клепка (в бочке, деревянном ведре), столб, столп', *šūlė* 'бочка', *šulai* 'небольшой составленный из клепок сруб колодца', *šulinỹs* 'колодец', *šulinė* то же, *pašulinỹs* 'место у колодца', *pašulė* 'место у воротного столба; место под бочкой', прусск. *sulis* 'столб'. Рассмотрение этих слов необходимо начать с вопроса об их отношении к соответствующим германским словам. Из различных высказывавшихся по этому поводу мнений наиболее убедительным представляется взгляд К. Буги, показавшего, что литовские слова ни с фонетической (краткое *š*), ни с семантической (древность значений 'бочка', 'колодец') точек зрения не могут быть признаны заимствованиями

⁵² Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках. Петроград, 1916, стр. 51—54; ср.: Он же. Славянские этимологии. — РФВ, т. 70, вып. 2, 1913, стр. 257.

⁵³ J. Schmidt. Zwei arische a-Laute. . ., стр. 120—121.

из германских или славянских языков⁵⁴. Вместе с тем кажется вполне вероятным предположение К. Буги о заимствовании белорусского, русского, украинского и польского слов со значением 'столб' из литовского языка (по мнению других исследователей, вост.-слав. *шўло* заимствовано через польский язык из др.-в.-н. *sūl* 'колонна'⁵⁵). Однако, если даже признать форму *шўло* (*szulo*) 'столб' не собственно славянской, унаследованная из индоевропейского основа *šul-* остается достаточно хорошо представленной южнославянскими словами и укр. *шўлий*, *шўльгá*, *шўльгбвина*, об иноязычном происхождении которых не может быть и речи.

Словообразовательная предыстория славянской основы *šūl-* и балтийской *šūl-* (*sul-*) неодинакова. Если лит. *šūl-* краткостью и указывает на свое происхождение из **ksūl-* и, таким образом, точно соответствует греч. ξύλον, то слав. *šūl-* могло получиться только из индоевропейской дифтонгической формы **kseul-* или **kseul-*. Дальнейшее развитие от каждого из этих двух возможных индоевропейских вариантов основы должно было пойти двумя разными путями, ведущими, однако, к тождественному результату: **kseul-* > **xeul-* > **šeul-* > **šjūl-* > *šūl-* и **kseul-* > **seul-* > **sjūl-* > *šūl-*. Предложенная П. Персоном и принятая большинством исследователей единственная праформа с палатальным *k̂*⁵⁶ вовсе не является обязательной. Тем меньше оснований имеется для того, чтобы, вслед за П. Персоном, исходя из этой праформы отрывать лит. *šūlas*, с.-хорв. *шўль*, словен. *šūlj* и включаемое в связь с этими словами греч. ξύλον от греч. ξύω, возводимого к якобы совсем другому корню *ks-* с *k* непалатальным (о необоснованности противопоставления вариантов с *k* и *k̂* уже говорилось).

От упомянутых выше словен. *šūla* 'короткорогая', укр. *шўлий* 'с рогами вниз' не может быть отделено укр. *шўтий* 'безрогий', русск. диал. *шўтый*, польск. *szuty*, чеш., слвц. *šutý*, болг. *шут*, с.-хорв. *шўт* то же, словен. *štūla* (<**šutula*) 'обрубок; безрогая корова'⁵⁷. Основа *šut-* происходит, вероятно, от индоевропейского или раннепраславянского отглагольного прилагательного (впоследствии такие формы стали страдатель-

⁵⁴ К. Буга. Замечания и дополнения к этимологическому словарю русского языка А. Преображенского (К. Буга. Rinkiniai raštai, t. II. Vilnius, 1959, стр. 620—622), с некоторыми библиографическими ссылками; ср.: F r a e n k e l, стр. 1032.

⁵⁵ А. Matzenauer. Cizí slova ve slovanských řečech. Brno, 1870, стр. 339; А. Brückner. Die slavischen Fremdwörter im Litauischen. Weimar, 1877, стр. 143; Он же. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, стр. 557.

⁵⁶ Р. Перссон. Beiträge. . ., I, стр. 379—383.

⁵⁷ Ср.: Н. Петерссон. — AfsI Ph XXXIV, стр. 381.

ными причастиями) **kseut-* (**k̄kseut-*) и, таким образом, представляет собой лишь суффиксальную параллель к основе *šul-*⁵⁸.

Не вызывает сомнений правильность сопоставления слав. *xudъ* (русск. *худой*, укр. *худий* и т. д.) с др.-инд. *kṣódati* 'растоптывает', *kṣudrah* 'малый, низкий, незначительный'⁵⁹. Вместе с тем представляется в семантическом отношении совершенно не обоснованным проводимое в некоторых из этих работ сближение слав. *xudъ* и его древнеиндийских соответствий с греч. *ψεῦδος* 'ложь', *ψεῦρός* 'ложный'⁶⁰. Как уже отмечено выше в связи с др.-инд. *kṣódati* и др., единственным удовлетворительным объяснением происхождения этих древнеиндийских и славянского слов может быть только возведение их к и.-е. корню *ks-* (: *kes-*). В таком случае значение слав. *xudъ* (< **xoudъ* < **ksou-d-*) должно было развиваться на основании значения 'оббитый, избитый, потоптанный' и т. п.

В непосредственной связи со слав. *xudъ* могут быть объяснены и различные славянские образования от двух параллельных основ *xyl-* и *xul-* (ср. русск. *хилый*, 'слабый, больной', укр. *хилити* 'наклонять', *похилый* 'наклонный, преклонный', блр. *хиліць* 'клонить', польск. *chylic* то же, *chyły* 'гибкий', чеш. *chyliti* 'клонить', с.-хорв. *хйлава* 'коварный, лукавый', *хйлава* 'косоглазый, кривой', стар. *хйла* 'мошенничество, обман', *хилити* 'сгибать, кривить, мучить'; русск. *хула*, *хулить*, чеш. *chouliti* (< *chuliti*) 'наклонять', *chouliti se* 'ежиться, жаться', стар. *chulost* 'стыд', болг. *хула* 'хула', *хуля* 'хулить', макед. *хули* 'хулить'. Предположение Ф. Славского о связи этих слов с праслав. *kuliti*, *skuliti* 'наклонять'⁶¹ может быть согласовано с рассмотренным дальше общим положением о параллелизме звуковых форм с начальными *ks-*, *sk-*, *k-*. Вместе с тем отклоняемое Ф. Славским объяснение этих слов у Г. А. Ильинского как связанных с и.-е. *ks-* (: *kes-*)⁶² в основном представляется правильным, особенно, если не выводить их значения, вслед за Ильинским, из индоевропейского значения 'резать', а учесть всю рассмотренную выше систему значений этого индоевропейского корня, в том числе 'трогать', 'бить', 'рубить' и др. При этом основы *xul-* (< **xoul-* < **ksou-l-*), *xyl-* (< **xül-* < **ksū-l-*) могут быть объяснены как параллельные **ksou-d-* (> *xud-*)

⁵⁸ Ср.: Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 51—52.

⁵⁹ В а с т н е г II, стр. 276—277; Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 53; В е р н е к е г I, стр. 405; А. А. Потебня. Этимологические заметки. — ЖСт, вып. III, 1891, стр. 121; Н. P e d e r s e n. Das indog. s im Slavischen. — IF V. Strassburg, 1895, стр. 60 и др.

⁶⁰ См.: А. M e i l l e t. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 174; V. M a c h e k. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen, стр. 174.

⁶¹ S ł a w s k i, стр. 95.

⁶² Г. А. Ильинский. Звук *ch* в славянских языках, стр. 53.

именные суффиксальные образования со значением 'битье, мучение, обида, ниспровержение, сжатие, уничтожение', а глагол *chyliti* — как отыменное образование с первоначальным значением 'делать сжатым, низким' и т. п., уже на стадии **ksül-* (**xül-*), отклонившимся от прямых значений корня **kes-* (*ks-*).

Совершенно несомненной является связь с и.-е. *ks-* (: *kes-*) славянской основы *šib-* (русск. *шибать* 'бросать, бить', *шибкий* 'быстрый, бойкий', укр. *шибати* 'бросать, бить', *шибатися* 'метаться, бросаться', *шибкий* 'стремительный, порывистый', блр. *шыбаць* 'бросать, швырять', *шыбки* 'шибкий', польск. *szybki* 'быстрый', чеш., слвц. *šibati* 'бить, хлестать', слвц. *šinuť* 'ударить', болг. *шйбам* 'хлещу, стегаю, сшибаю', макед. *шиба* 'хлестать, бить', с.-хорв. *шйбати* 'сечь розгами, пороть, хлестать', *шйнути* 'хлестнуть; ужалить', *шйба* 'прут, хлыст', словен. *šibati* 'сечь, пороть, хлестать', *šiba* 'прут, розга, палка', в.-луж. *šiba* 'прут' и др.). Утверждение В. Махека о звукоподражательном характере этих славянских слов⁶³ лишено какого-либо основания. Как и сопоставляемые обычно с указанными славянскими словами др.-инд. *kṣipāti* 'бросает, швыряет', *kṣiprah* 'быстрый', *kṣepah* 'бросок', авест. *xšviwṛō* 'быстрый'⁶⁴, эти слова и фонетически и семантически ближе всего примыкают к прозрачным производным от и.-е. корня **kes-* в его значении 'ударять'. В словообразовательном отношении славянская основа *šib-* восходит либо к ступени с дифтонгом *ei* (**ksei-b-*), либо к редуцированной ступени с долгим *i* (**ksi-b-*).

Вполне вероятной представляется и предполагаемая Ильинским связь с и.-е. *ks-* (: *kes-*) славянского слова, обозначающего иглистый лист (русск. *хвоя*, *хвой* 'иглистый лист; сучья хвойных деревьев', укр., блр. *хвоя* 'сосна', чеш. *chvoj* 'хвоя', слвц. *chvoja* 'еловая ветка', болг. *хвѡйна* 'можжевельник', с.-хорв. *хвоја* 'побег, росток, ветка', польск. *choja*, *choina* 'сосна, хвоя'), хотя вместо приведенного Ильинским значения и.-е. **kes-* 'резать, острить' в этой связи уместнее было бы избрать значение 'колоть'. Праславянская основа *xvoj-* представляет собой, таким образом, рефлекс индоевропейской основы **ksu-*, распространенной суффиксальным *-oj-*. Ближайшее в семантическом и фонетическом отношении к праславянскому образованию представляет лит. *skujà* 'хвоя', лтш. *skuja* 'хвоя ели', *skujajnis* 'ель'. Считать начальное *sk-* в этом балтийском слове первичным, признавая одновременно его генетическое родство с праслав. *xvoja*, нет никаких оснований, так как возможность развития слав. *x* (*ch*) из *sk*, несмотря на неоднократные попытки (см. дальше), никем не доказана и по чисто

⁶³ М а х е к, стр. 498.

⁶⁴ E. Z u p i t z a. — ВВ XXV, стр. 93; P o k o r n y, стр. 625; M a y r - l o f e r, стр. 289; V a s m e r II, стр. 395.

теоретическим соображениям невероятна. Поэтому балт. *skuja* приходится рассматривать как один из случаев древней метатезы начального *ks-* в *sk-*, совершившейся еще до осуществления процесса литовского перехода *ks-* в *š*. В таком случае древняя форма основы этого балтийского слова может быть представлена как **ksu-j-*.

К праславянской основе *xvoj-* непосредственно примыкает основа близкого по значению праславянского слова **xvorstъ* (русск., укр. *xвopocт*, блр. *xвopacт* 'прутья', польск. *chrust* (< **chwrost*) 'хворост', чеш., слвц. *chrast*, болг. *xpacт* 'куст, деревцо', с.-хорв. *xpâcт* 'дуб', словен. *hrast* то же). Из различных попыток объяснения этимологии этого славянского слова, среди которых преобладает сопоставление с др.-в.-н. *hurst*, *horst* 'куст, кустарник', др.-англ. *hyrst* 'лес'⁶⁵, довольно близкими к предлагаемому здесь были объяснения К. Уленбека, Г. Петерсона и др., возводивших **xvorstъ* к соединению основ **ksu-* и **orsto-* 'рост'⁶⁶, и Й. Голуба и Ф. Копечного, усматривавших в этом слове основы слов *xвоя* и *pocт*⁶⁷. В этимологию Г. Петерсона может быть внесена только та поправка, что вместо сопоставления основы **ksu-* с этимологически неясным др.-инд. *kṣumā* 'лён' эту основу следует возводить непосредственно к и.-е. **ks-* 'резать, рубить'.

Уже В. Махек указал на связь славянского глагола *xoliti* (русск. *xолить*, польск. *pachole* 'подросток, мальчик', чеш. *pachole* 'младенец', *pacholík* 'мальчик', слвц. *pachol'a* 'мальчик, парень') с др.-инд. *kṣālāyati* 'моет, чистит' и лит. *skaláuti* 'полоскать белье'⁶⁸. Не ссылаясь на Махека, Г. Шустер-Шевц связывает *xoliti* и его производные с другими словами на *sk-*, фактически родственными лит. *skaláuti*⁶⁹. Отклонив этимологию В. Махека, М. Майрхофер, как уже упоминалось выше, не смог противопоставить ей более убедительного объяснения⁷⁰. Вместе со своими древнеиндийскими и литовскими соответствиями слав *xoliti* может быть возведено к общей и.-е. основе **ksol-*, непосредственно связанной с и.-е. **ks-* 'скрести'. И в этом случае литовское соответствие представляет метатезу начального *ks-* в *sk-*.

Наряду с глаголом *xолить*, Г. Шустер-Шевц рассмотрел в этой же связи общеславянское слово *xoluj* с его различными значениями по отдельным славянским языкам (н.-луж. *chótuј*, *chótoј*, *chótyј* 'плуг', русск. *xолýй* 'рыболовный плетень из бревен; слуга,

⁶⁵ V a s m e r II, стр. 237.

⁶⁶ C. U h l e n b e c k. — IF XVIII, стр. 98; H. P e t e r s s o n. — KZ XLVI, стр. 145 сл.

⁶⁷ H o l u b—K o p e č n ý, стр. 142.

⁶⁸ V. M a c h e k. Untersuchungen zum Problem des anlautenden *ch* im Slavischen, стр. 174; Он же. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 348.

⁶⁹ H. S c h u s t e r - Š e w c. Указ. соч., стр. 862.

⁷⁰ M a y r h o f e r, стр. 288.

раб, низкое существо', *халуй* 'подводный камень в реке; отруби и мяска для скота', польск. *choloj* 'стебель, ботва'), а также русск. *холудина*, *хлуд* 'жердь' и др. и укр. *холов*, *хлив*, русск. *хлев* (первоначально 'огороженный частоколом загон для скота'). Оставляя в стороне некоторые другие присоединяемые автором сюда же слова из славянских языков, требующие дальнейшего изучения или же имеющие уже более убедительные объяснения, вряд ли можно найти основания для сомнений в правильности изложенной у Г. Шустера-Шевца этимологии названных здесь слов как родственных лит. *skélti* 'раскалывать', *kuōlas* 'кол', хет. *iškallāi* 'разрывать, раскалывать'. Нуждается в уточнении лишь принятое Г. Шустером-Шевцем понимание генетического соотношения и.-е. *sk-* и слав. *x-* (*ch-*).

Как показал О. Н. Трубачев, к русск. *холудье*, *хлуд* принадлежит и русск. *захолустье*, *захолужье* (первоначально как 'заросшее кустарником место' или 'место за зарослями')⁷¹. Таким образом, и это образование с префиксом *за-* присоединяется к словам, производным от корня *ks-* (: *kes-*).

Значительно убедительнее, чем этимология Г. А. Ильинского и Г. Петерсона, возводящих русск. *шест* (блр. *шост*) к и.-е. **khid-to-* (др.-инд. *khidāti* 'рвет, давит'), предложенное К. Бугой возведение этого слова вместе с лит. *šėkštis* 'подпорка, шест', прусск. *saxto* 'бревно' к и.-е. **ksek-st-*, а предположительно родственных этим словам лит. *šakà* 'ветвь, сук', *šākės* 'вилы', лтш. *sekumi* 'навозные вилы' — к более простой основе **ksek-*, **ksok-*, лит. *šatrà* 'жердь, слега' — к основе **kset-*⁷².

Славянское *šestь* (русск. *шесть*, укр. *шість* и т. д.), а также лит. *šeši*, лтш. *seši*, родственные авест. *xšvaš* (др.-инд. *śaś*), лат. *sex* и т. д., как уже отмечено, возводятся к и.-е. основе **ksyek-s-*. По приведенным выше соображениям эта основа также вполне естественно увязывается с и.-е. *ks-* (: *kes-*).

Всеобщее признание получило совершенно убедительное, хотя и основанное на предположении метатезы *ks-* в *sk-*, сопоставление с греч. ξῶν 'скоблю', ξυρῶν 'бритва', др.-инд. *kṣurāh* 'бритва' литовских слов *skūsti* 'брить, скоблить', *skustūvas* 'бритва', *skustūkas* 'скребок', лтш. *skust* 'скрести, брить', *skut* 'брить'⁷³.

Помимо приведенных славянских и балтийских слов, уже рассматривавшихся в литературе в связи с и.-е. *kes-/ks-*, можно

⁷¹ О. Н. Трубачев. Slawische Etymologien. — ZfS, Bd IV, H. 1. Berlin, 1959, стр. 84; ср.: А. С. Львов. Славянские слова с корнем *chal-/chol-*, стр. 31—32, — почему-то без ссылки на опубликованную раньше этимологию О. Н. Трубачева.

⁷² К. Буга. Baltica в «Праславянской грамматике» Г. А. Ильинского, — «Archivum philologicum» I, 1930, стр. 58—59 (перепеч. в «Rinkiniai raštai» I, стр. 599).

⁷³ Fraenkel II, стр. 823—824.

было бы назвать еще целый ряд других нуждающихся в объяснении лексических элементов из балто-славянской языковой области, связи которых с и.-е. *ks-* (: *kes-*) представляются более или менее очевидными. Ниже рассматриваются лишь некоторые из этих слов.

Среди славянских слов, подлежащих возведению к и.-е. *ks-* (: *kes-*), следует назвать в первую очередь праславянский глагол *xati* (*xajati*), обнаруживающий три в значительной степени разошедшиеся значения: 'трогать', 'чистить' и 'хулить, поносить'. Ср. русск. *хáять* 'хулить, поносить', укр. *нехай* 'пусть' (из **не хай* 'не трогай'), *обхáяти* 'очистить, привести в хороший вид', *охáйний* 'опрятный', *нехáяти* 'пренебрегать', *занехáяти* 'забросить, привести в неряшливый вид', диал. *хáя* 'довольная жизнь, счастье', блр. *няхáй* 'пусть' (из **не хай* 'не трогай'), польск. *niechać* 'пренебрегать', *poniechać* 'покинуть, оставить' *zaniechać* 'забросить, запустить', *niechaj*, *niech* 'пусть', чеш. *nechati* 'оставить; не помешать', *necht* 'пусть', словц. *nechat* 'оставить, бросить, позволить', *nech* 'пусть', в.-луж. *niechaś* 'не хотеть', *njech* 'пусть', н.-луж. *niechaś*, болг. *хáя* 'беспокоюсь, забочусь', *нехáя* 'небрежничая' *нехáен* 'небрежный, неряшливый, нерадивый', с.-хорв. *хáјати* 'заботиться, хлопотать', *нѣхáјан* 'небрежный, беспечный', словен. *háјati* 'заботиться', *nehati* 'прекратить, перестать'. Предлагавшиеся до сих пор объяснения этого глагола явно неудовлетворительны⁷⁴. Вызывает удивление попытка В. Махека и др. вообще игнорировать этот глагол при объяснении чеш. *nechati*, польск. *niechać* и т. п.⁷⁵ Давно назревшее объяснение глагола *xa(ja)ti* как содержащего в своем корне рефлекс и.-е. *ks-* (: *sk-*) впервые было предпринято Б. Чопом⁷⁶. Однако, вопреки очевидным фактам, Б. Чоп отрицает связь этого глагола с и.-е. *kes-* : *kos-* 'бить, рубить, резать' и т. д., предполагая для данного случая особый индоевропейский глагол со значением 'заботливо и тщательно делать что-либо'. Между тем совокушность значений праслав. *xati* (*xajati*) самым естественным образом объясняется из праформы **ksā-(j)-*, восходящей к и.-е. корню **ks-* (: *kes-*) с его значениями 'трогать', 'бить', 'скрести'.

Содержащаяся в глаголе *холить* и.-е. основа **ksol-* 'чистить, скрести, обрезать' может быть предположена и для фактически не объясненного праслав. **xolstь*, **xolstiti* (русск. *холостой* 'не-

⁷⁴ См.: V a s n e r II, стр. 234, где этот глагол с двумя разными значениями без всяких оснований рассматривается как два отдельных слова.

⁷⁵ V. M a c h e k. Studie o tvoření vyrazů expresivních. Praha, 1930; Он же. Recherches dans le domaine du lexique balto-slave. Brno, 1934, стр. 69; Он же. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 322; E. F r a e n k e l. — «Slavia» XIII, стр. 24; J. M. K o ř í n e k. Die čechoslovakische Sprachwissenschaft in den Jahren 1928—1932. — ZsflPh XIII, H. 3/4. Leipzig, 1936, стр. 405.

⁷⁶ B. Č o p. Etyma balto-slavica I. — «Slavistična revija», l. V—VII. Ljubljana, 1954, стр. 227—230.

женатый', диал. 'коротко стриженный', *холостить* 'кастрировать', укр. *холостий, холостити, холощій* 'кастратор животных', блр. *халасты* 'холостой'). То же значение основы, восходящее к значению и.-е. *ks-* (: *kes-*), хорошо согласуется и с возможным первоначальным значением слова *холуй* (может быть, 'оскопленный раб' или 'раб с подрезанными ногами'), увязываемого частью исследователей со словами *холост, холостить* ⁷⁷.

Свойственные и.-е. корню **kes-* значения 'втыкать, копать' находят себе прямое соответствие в славянском глаголе *xovati* (русск. диал. *ховать* 'хоронить, прятать', укр. *ховати* то же, блр. *хавіць* 'прятать, хранить', польск. *chowac* 'прятать, беречь, выращивать', чеш. *chovati* 'держат, хранить, выращивать', словц. *chovat'* то же) ⁷⁸. Основа *xov-* восходит к и.-е. основе **ksou-*.

Совершенно очевидной представляется принадлежность к рассматриваемому гнезду таких до сих пор не объясненных балтийских слов, как лит. *šūkas* 'гребень, щетка для льна или шерсти', *šukioti* 'чесать', *šūké* 'черепок, щербина', лтш. *suka* 'щетка, скребница', *sukums* 'щербина, зазубрина, щель', *sukāt* 'чесать, чистить скребницей' и др. ⁷⁹ Эти балтийские слова восходят к древней основе **ksu-k-*, производной от корня **ks-*.

Почти с такой же степенью вероятности к рассматриваемой этимологической группе может быть присоединено лит. *šāšas* 'струп, короста, парша', *šāšti* 'паршиветь', *šašuotas* 'паршивый, коростный', *šašuika* 'вид растения' (польск. *ostrupialec*), *šišti* 'начинать покрываться струпами, коростой', лтш. *sasi* 'небольшие нарывы'. Эти неудачно сопоставлявшиеся со слав. *sosna* ⁸⁰ балтийские слова могут быть возведены к древней основе **kso-ks-* (**ksi-ks-*).

Вопрос о связи с и.-е. корнем *ks-* (: *kes-*) в его различных значениях может быть поставлен также в отношении ряда других слов славянских и балтийских языков, в частности таких, как русск. *хобить* 'портить; хватать', *хѧпать* 'хватать', *хватать* (стар. *хытити*), *хѡрый, хѡрый* 'больной', *шѧпен* 'кнут, палка, розга', *шѧлуди* 'короста, чесотка', *шѧлудивый, шѧльга* 'длинная розга, кнут', *шерсть* (лит. *šiurkštūs* 'шероховатый, шершавый'), *шѧршень* (лит. *širšiū, širšė, širšlės* 'шершень'), *шип, шѡшка*, укр. *хѧци* 'заросли', *хѡхля* 'жердь рыболова', *хуткий* 'быстрый',

⁷⁷ См.: А. И. Соболевский. — ЖМШП, 1886, сентябрь, стр. 146; Н. Pedersen. Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent. — KZ XXXVIII. Gütersloh, 1905, стр. 373—374; Т. Lehr-Splawinski. Pol. *chłonać, otchłań*. — «Język polski» XXIV, 2. Kraków, 1939, стр. 43—44. Ср.: О. Н. Трубачев. История славянских терминов родства, М., 1959, стр. 187—188.

⁷⁸ О попытках объяснения этого слова см.: V a s m e r II, стр. 253.

⁷⁹ О попытках этимологизации этих слов см.: F r a e n k e l II, стр. 1031.

⁸⁰ J. Z u b a t ý. Etymologien. — BB XVII, 1891, стр. 326 (перепеч. в «Studie a články», sv. I, část 2-há. Praha, 1949, стр. 131); V a s m e r II, стр. 702; F r a e n k e l, стр. 996.

швидкүү то же, ст.-чеш. *chochati sě* 'находить удовольствие, чувствовать симпатию', польск диал. *szujak, szujka* 'клепка, чурбан', ст.-слав. *хала* 'грязь', *шоун* 'левый', лит. *šilas* 'роща, бор' (лтш. *sils* 'большой лес, бор'), *šiūrūs* 'острый, холодный, пронизывающий', *šūvis* 'выстрел, удар, бросок', а также, при учете метатезы начального *ks-* в *sk-*, лит. *skaudė* 'боль, рана, нарыв', *skinti* 'обрывать, вырубать, выкорчевывать', *skudrūs* 'проворный, быстрый', *skveřbti* 'прокалывать, сверля острым инструментом; проникать' и др.

Приведенные выше балтийские параллели с метатезой начального *ks-* в *sk-* в общей системе индоевропейских фактов не представляют какой-либо случайности. Имеется целый ряд производных от корня **ks-* основ, которые обнаруживают такую метатезу в большинстве, а то и почти во всех индоевропейских языках. К числу таких основ принадлежат, в частности, и.-е. **skābh-*, **skobh-* (русск. *скоблить*, ст.-слав. *скобаль* 'скребок', лит. *skabūs* 'острый', *skōbti* 'долбить, выдалбливать', *skeberda* 'щепка', лтш. *skabrs* 'острый, шероховатый', *skabrums* 'острота, шероховатость', *skabit* 'обрубать сучья', гот. *skaban* 'скоблить, стричь', др.-в.-н. *scaban* 'скоблить', *scaba* 'рубанок', лат. *scabō* 'чешу, скоблю, скребу', *scabiēs* 'шероховатость, чесотка, парша', *scaber* 'шероховатый, чесоточный', *scobis* 'опилки', *scobina* 'напильник', греч. *σκάφος* 'вскапывание', *σκαφίς*, *-ίδος* 'корыто, ванна', *σκάφη* то же, *σκαφεός* 'землекопатель', *σκαφεῖον* 'мотыга, заступ', *σκάφιον* то же; 'таз, миска'), близкая к предыдущей **skāp-*, **skop-* (русск. (о-) *скопить*, *сконец*, лит. *skaroti* 'скоблить', *skopiù, skōpti* 'выдалбливать, вырезать', *skāplis* 'тесло, долбило', *skāptas* 'кривой нож для вырезания ложек', греч. *σκάπτω* 'вскапываю', *σκαπάνη* 'мотыга, заступ; вскапывание', *σκαπανεύς* 'землекопатель', *σκόπελος* 'скала, утес', *σκήπτρον*, *σκήπτων*, *σκήπων*, *σκήπων*, дор. *σκάπτων* 'палка, посох', *σκάπος* 'ветвь (отломанная)' Гес., лат. *scapus* 'стебель, прут, древко, ствол', *scopa* 'прут, розга', *scopio* 'стебель, черенок', др.-в.-н. *skaft* 'древко, спиц, пика', ст.-сакс. *skaft* 'спиц', н.-перс. *škāfād* 'раскалывает'), **sk(e)r-* (русск. *скрести*, *скребу*, *щербить* (< **skērb-*), польск. *skrobać* 'скоблить, скрести, чесать', лит. *skėřbti* 'глубоко врезать', *skirti* 'разделять', лтш. *skart* 'касаться, задевать', *skrabt* 'выскребывать, скрести', *skrabindt* 'скрести, глотать', *skarba* 'обрезок', *skarbs* 'резкий, суровый', *škirba* 'щель', *skrāpēt* 'царапать', *skrāpis* 'скребок, скребло, скребница', *skripāt* 'выцарапывать, записывать', *skripts* 'кривой нож', др.-сканд. *skrapa* 'царапать, скрести', ср.-в.-н. *schrapfe* 'скребок', др.-в.-н. *sceran* 'стричь', *scarp, scarpf* 'острый', др.-англ. *scarp*, др.-сканд. *skarpr* то же, др.-в.-н. *scarbon* 'резать на куски', *scirbi* 'черенок, обломок', лат. *scrobis* 'яма', *scribō* 'черчу, вырезаю, пишу', оск. *scriftas* 'письмена', умбр. *screhto* 'письмо', греч. *σκαριφόρα* 'наскребываю, нацарапываю', *σκάριφος* 'грифель, очертание', ср.-ирл. *scripaim*, н.-ирл. *scriobaim* 'царапаю'), **skel-* (лит. *skėlti*

'раскалывать', *skilti* 'раскалываться, трескаться', *skalà* 'щепка', *skylē* 'дыра, отверстие', *skleĩptu* 'обтесывать, полировать', лтш. *škeĩt* 'раскалывать', *škilt* 'высекать огонь', *skals, skala* 'лучина', русск. *скалá*, *щель* (< **skel-*), укр. *ущéлина* 'ущелье', *щíліна* 'щель', *скáлка* 'щепка, заноза, лучина', др.-сканд. *skilja, skila* 'разделять', гот. *skilja* 'мясник', ср.-ирл. *scailt* 'щель, трещина', *scailim* 'рассыпаю, разнимаю', греч. *σχάλλω* (< **skl-iō*) 'копаю, рою', *σχάλις, -ίδος* 'вилы-мотыга', *σχαλεύω* 'ковыряю, копаю, скребу', *σχαλμός* 'кол, уключина', *σχάλοψ* 'крот' ('роющий'), *σχόλοψ* 'кол', лат. *scalpō* 'царапаю, скребу, чешу, вырезаю, долблю', *scalprum* 'режущий инструмент', *sculpō* 'вырезаю, высекаю'), **sk(h)eid-*, **sk(h)eit-* (лит. *skiedžiū* 'разделяю, разбавляю', *skiedrà, skiedà* 'щепка', лтш. *škiežiū* 'рассыпаю, швыряю', *skaida* 'щепка', гот. *skaidan*, др.-в.-н. *sceidan* 'разделять', *scīt*, совр. нем. *Scheit* 'полено', лат. *scindō* 'разрываю, распарапываю, раскалываю', греч. *σχίζω* 'раскалываю', *σχιστός* 'расколотый, колющийся', *σχίδη* 'щепка', др.-инд. *chinátti* 'отрезает, раскалывает', *chidráh* 'продырявленный', *chēdah* 'надрез, отрезок') и др.

Относительно некоторых из этих основ (**sk(h)eid-*, **sk(h)eit-*, **sk(e)r-*) было высказано предположение, что они восходят к и.-е. корню **sek-* (лат. *secō* 'секу')⁸¹. Но, как показывает приведенный здесь материал, основы **sk(e)r-*, **sk(h)eid-*, **sk(h)eit-* настолько тесно и органически связаны с остальными перечисленными здесь основами, что оторвать их от этих остальных основ невозможно. К тому же основа *sek-* отличается слишком специализированным значением и выступает в индоевропейской языковой области слишком спорадически, чтобы к ней можно было возводить основы, столь распространенные в индоевропейских языках и с такой разветвленной семантикой. Последовательный параллелизм этой семантики значениям индоевропейских образований с корневым *ks-* (: *kes-*) неопровержимо свидетельствует о том, что рассматриваемые индоевропейские основы с начальным *sk-* (индо-иран. *sk(h)-*, *ch-*) представляют собой результат древней мататезы начального *ks-*, осуществившейся в индоевропейском праязыке при каких-то особых условиях еще до того, как по отдельным группам индоевропейских языков начались различные процессы упрощения начального *ks-*.

Несомненные факты соответствия славянских слов с начальным *x-* словам различных индоевропейских языков с начальным *sk-* были замечены уже давно. Эти факты обычно объяснялись путем непосредственного возведения слав. *x(ch)* в части случаев к и.-е. *sk* или *sg(h)*⁸². Рассмотренный в настоящей статье материал

⁸¹ P. Persson. Beiträge..., II, стр. 883—884; Walde II, стр. 494, 496.

⁸² A. Brückner. Slavisches *ch*. — KZ 51. Göttingen, 1923, стр. 221 сл.; В. М. Иллич-Свитыч. Один из источников начального *x-* в прасла-

свидетельствует о том, что во всех таких случаях речь может идти лишь о параллелизме индоевропейских основ с начальным *sk-* в сопоставляемых со славянскими словами неславянских языков и начальным *ks-* (слав. *x*) в словах, унаследованных славянскими языками.

Что касается выступающей в части индоевропейских языков основы *sec-* (лат. *secō* 'срезаю, распиливаю, раскалываю, обрубаю', *secula* 'серп', *secūris* 'топор', др.-ирл. *doescim, tescim* (**do-ess-secim*) 'режу', ст.-слав. **секрыа, сѣкж**, русск. *секу́*, укр. *січу́*, польск. *sieka*, с.-хорв. *сијѣчем*, др.-в.-н. *segansa* 'коса', *sēga, saga* 'пила', др.-англ. *seġ* 'меч, камыш'), которая обычно рассматривается в качестве первичного индоевропейского корня, то ее более узкая семантика по сравнению с семантикой корня **keṣ-* и особенно несплошная распространенность по индоевропейской территории вызывают серьезные сомнения в ее первично-корцевом характере. В славянских языках это сомнение усиливается еще и необычной для первичного индоевропейского двухсогласного корня долготой гласного *ē* (за исключением имени существительного **секрыа**, ср. укр. *сокіра*). Вместе с тем литовские образования, которые частью исследователей вместе со слав. *сѣно* приводятся в связь со слав. *сѣко* (русск. *секу*, *сечь*), на месте начального *s* обнаруживают *š* при лтш. *s*, как это бывает в корнях, восходящих к *ks-* или *k̄s-*. Ср. русск. *сено* (< **sēkno*?), лит. *šiēnas* 'сено', лтш. *siens* то же, лит. *šėkas* 'свеже порубленный зеленый корм', *šėkauti* 'косить зеленый корм', лтш. *sēks* 'свежее сено'⁸³. Особенно показательно то, что ни в греческом, ни в индоиранских языках, сохраняющих и.-е. *ks-* или его особые рефлексy, корень *sek-* не встречается. Все это дает основание предположить, что основа *sek-* (*sēk-*), имеющаяся в славянских, балтийских, германских, латинском и кельтских языках, не является первичным индоевропейским корнем, а представляет собой производную основу от корня *k̄s-* (**k̄s-ek-*, **k̄s-ēk-*), который во всех этих языках фонетически закономерно упростился в *s-* (лит. *š-*). При таком понимании основы *sek-* (*sēk-*) исчезает необходимость возводить лат. *saxum* 'скала' к лат. *secō*, так как *saxum* и в семантическом и в фонетическом отношении проще объясняется непосредственным возведением к и.-е. *ks-* (: *kes-*), подобно *sentis* 'терновник' и др.

вянском. — ВЯ, 1961, № 4; Н. Schuster-Šewc. Указ. соч., стр. 862—863, 869.

⁸³ Р. Брандт. Дополнительные замечания к разбору Этимологического словаря Миклошича. — РФВ, т. XXIV, № 3. Варшава, 1890, стр. 150—151; Нолуб—Корейнұ, стр. 330, и др. — Ст.-лит. *išėkti* 'врезать', *išėkti* 'вырезать', которые иногда приводятся как соответствия лат. *secō*, слав. *сѣко*, в отношении качества начального корневого согласного сомнительны: это могло быть и *š*.

По всей видимости, общендоевропейские изменения начального *ks-* в определенных условиях не ограничивались метатезой. Ряд фактов свидетельствует о том, что в части случаев начальное корневое *ks-* (: *kēs-*) упрощалось в *k-* (возможно, уже после метатезы в *sk-* или в самом процессе этой метатезы). Ср. русск. *скопить*, *скопец* — *копать*; лит. *skapóti* 'скоблить', *skõpti* 'выдалбливать, вырезать', *skãptas* 'кривой нож' — *kapóti* 'рубить, сечь, колоть', *kãpas* 'могила', лтш. *kapãt* 'рубить, сечь'; греч. *σχάπτω* 'всканываю', *σχάπλη* 'мотыга, заступ' — *χόπτω* 'ударяю, отсекаю', *χόπος* 'удар', *κοπέος* 'резец ваятеля', *χάπετος* 'ров, окон, могила'; н.-перс. *škāfað* 'раскалывает' — *kāfað* 'копает'; русск. *скребу*, *щерблю* — *крою*, *кривой*, *черта*; лит. *skerbtii* 'глубоко врезать', *skerpiuvė* 'топор', *skirti* 'разделять' — *kiĩpti* 'резать, стричь', *kiĩvis* 'топор', *kiĩsti*, *kertũ* 'обрубать, бить'; лтш. *skarpit* 'рыть, копать' — *karpit* то же, *cirpt* 'стричь', *cirst* 'рубить, сечь'; др.-в.-н. *scarbon* 'резать на куски', *scirbi* 'черепок, обломок' — ср.-в.-н. *hãre*, *hãrwer* 'остро режущий'; лат. *scrobis* 'яма', *scribõ* 'черчу, вырезаю' — *carõ* 'чешу' (шерсть), *carpõ* 'срываю, дроблю, расщепляю'; русск. *скала*, *щель* — *колоть*, *кол*; лит. *skėlti* 'раскалывать', *skalã* 'щепка' — *kãlti* 'ковать, забивать', *kėlmas* 'пень, колода'; лит. *skuja* 'хвоя', *skũsti* 'брить', *skaudėti* 'болеть' — *kãuti* 'ударять, ковать'; лит. *skãidyti* 'разделять, разлагать, размельчать' — *kaišti* 'скоблить, обскребывать' и т. д.⁸⁴

Часть основ, получившихся в результате такого упрощения корня *ks-*, в системе индоевропейского словообразования заняли место самостоятельных непроизводных корней и смешались с другими непроизводными корнями с начальным *k-*. Этим вызваны серьезные трудности в деле отождествления или различения соответствующих индоевропейских корневых образований. Некоторые из этих образований могут рассматриваться и как производные от корня *ks-* (*sk-*), потерявшего свое *s*, и как самостоятельные корни, семантически параллельные корню *kēs-/kos-*. Однако в последнем случае возникает необходимость признать вторые согласные компоненты этих параллельных корней, в том числе и согласный *s* корня *kēs-*, распространителями, присоединившимися в праиндоевропейский период к одногласному корню **ke-/*ko-* с кратким гласным — предположение, теоретически возможное, но в практике этимологических исследований на данном этапе пока что неприменимое.

⁸⁴ Предлагаемое здесь понимание соответствующего материала дает возможность по-новому подойти к проблеме так называемого беглого *s* (*s mobile*) в индоевропейских корнях; но об этом следовало бы говорить более подробно, чем это возможно в рамках настоящей статьи.

**коса, косить И ДРУГИЕ СЛАВЯНСКИЕ ПРОИЗВОДНЫЕ
ОТ КОРНЯ *kǫs- (*kǫs-)**

Как название сельскохозяйственного орудия и старинного боевого оружия славянское слово *коса* не имеет прямых соответствий ни в одном неславянском языке (рум. *coasă*, молд. *coasă*, н.-греч. *κόσσα*, алб. *kosë*, как и подобные этим слова в некоторых современных неиндоевропейских языках, являются несомненными заимствованиями из славянских языков). И хотя непосредственная генетическая связь этого славянского слова с перечисленными выше словами корня *kes-/kos-* кажется вполне очевидной, конкретный характер этой связи, «внутренняя форма» слова *коса* остаются нераскрытыми. Не установлено, к какому из древнейших аспектов семантики корня *kes-/kos-* ближе всего примыкает первоначальное значение славянского слова *коса* и по какому реальному признаку соответствующий предмет получил это название.

На первый взгляд первоначальное значение слова *коса* восходит к конкретному значению 'косить, срезать траву, стричь' и т. д. Но такое представление в свете лингвистических фактов оказывается крайне сомнительным. Прежде всего ни в славянских, ни в других индоевропейских языках нет данных, которые бы указывали на то, что корень *kes-/kos-* применялся в древности для выражения специального значения 'косить, срезать траву', отличного от более общего значения 'резать'. Правда, отдельные славянские языки обнаруживают близкие к значению 'косить' значения 'срывать, обрубать' в глаголе *česati*, ср. ст.-слав. **чѣсати** 'срывать (ягоды)', с.-хорв. *česati* 'щипать, рвать', словен. *čestljati* 'отсекать (листья)'. Но эти значения вряд ли могут быть признаны первичными. В частности, значение 'срывать (ягоды)' в ст.-слав. **чѣсати** могло возникнуть сравнительно поздно в связи с применением специальных гребней для собирания лесных ягод, как это делается до сих пор, например, в Карпатах; что же касается словен. *čestljati*, то оно вообще требует осторожного подхода к себе как возможное аффективное новообразование. Славянский глагол *kositi*, русск. *косить* со своим значением сам является производным от *коса* подобно глаголам *пилить, сверлить, удить, неводить, утюжить, лопатить, стрелять, сапать, дубить, смолить, солить, пылить, косить, парить, морозить*. С другой стороны, слово *коса* как именное образование от корня со значением определенного действия вовсе не обязательно должно было означать орудие данного действия: в случаях обозначения такими словами конкретных предметов значение орудия действия имелось в виду не чаще, чем значение результата (объекта) действия. Ср., с одной стороны, значение орудия и средства в слав. *-pona: peti, -pora: perti, -vora: -verti, rōka* (если к лит. *riñkti* 'собирать'), лит. *apdangà* 'покрыв': *deñgti* 'покрывать', *kamšà* 'начинка': *kiñšti* 'начинать', *rankà* 'рука': *riñkti* 'собирать', *sagù* 'пуговица': *sègti* 'застегивать',

pavara 'шнурок, завязка': *vérli* 'продевать, закрывать', *pavaža* 'полоз' (саней и т. п.): *vèžti* 'везти', греч. ἀλοιφή 'мазь': ἀλείφω 'смазывать', σποιβή 'набивка': στείβω 'утаптывать', σπολή 'снаряжение': στήλλω 'снаряжать' и, с другой стороны, значение результата (и объекта) действия в слав. *kosa* (волосы): *česati*, *noša*: *nesti*, *moča*: *meknoti*, *loka*: **lękti*, лит. *atkarpà* 'отрезок': *kiřpti* 'резать', *pāsaka* 'сказка': *sėkti* 'рассказывать', *skalà* 'лучина': *skėlti* 'раскалывать', *pavadà* 'вторая жена': *vėsti* 'вести', *atžalà* 'отросток': *žėlti* 'расти', греч. ἀγορά 'собрание': ἀγείρω 'собирать', αἰοδή 'песнь': ἀείδω 'петь', δορά 'шкура': δείρω 'сдирать кожу', ῥωγή 'разрыв, дыра': ῥήγνυμι 'разрывать', φθογγή 'голос': φθέγγομαι 'звучать'. Таким образом, не исключена возможность, что в славянском названии косы отражено первоначальное осмысление этого предмета как результата действия, выражаемого корнем **kes-*.

Решающую роль в освещении первоначального конкретного значения слова *kosa* могли бы сыграть данные истории материальной культуры о возникновении и развитии косы. Однако таких данных у археологии фактически не имеется. Коса фиксируется археологами лишь начиная с римского периода железного века⁸⁵, когда она уже изготовлялась из металла. Отсутствие у южных народов специального названия для косы, отличного от названия серпа, дает основание предположить, что вначале коса распространилась у более северных народов, заселявших территорию с обильной травянистой растительностью, скашиваемой на корм скоту, и лишь впоследствии стала применяться и для уборки хлеба, а также была заимствована соседними народами⁸⁶. При этом обычно считается, что коса возникла в качестве видоизменения серпа, причем указывается на так называемую «коленную косу» с короткой рукояткой или севернорусскую горбушу, название которой возводится к глаголу *горбиться*, как на промежуточные звенья между серпом и косой⁸⁷. Прямых доказательств именно такого пути развития косы в распоряжении археологии пока что нет, и поэтому лингвистические данные, касающиеся истории косы и этимологии ее различных названий, приобретают решающее значение не только для языкознания, но и для истории материальной культуры.

Свидетельство первоначальной неприменимости косы для уборки хлеба сохранилось в значении русских диалектных слов *кошанина*, *кошаница* 'хлеб, скошенный, по плохому урожаю зерна,

⁸⁵ Дж. Г. Д. Кларк. Доисторическая Европа. Экономический очерк. М., 1953, стр. 132; A. W. B r ö g g e r. From the Stone Age to the Motor Age. — «Antiquity», 1940, стр. 172; A. S t e e n s b e r g. Ancient Harvesting Implements. — «Nationalmuseets Skr. Ark.-Hist. R.» I. Copenhagen, 1943, стр. 194.

⁸⁶ O. S c h r a d e r. Reallexikon der indogermanischen Altertumskunde, Bd. II, Lief. 1, B.—L., 1923 (статья «Sichel und Sense»).

⁸⁷ Там же.

под корм скоту' (Даль II, 172), укр. *кошанийця*, *кошенійця* то же. На этом основании следует предположить, что уборка при помощи косы вначале была значительно менее совершенной и эффективной, чем срезание серпом, или же была возможна лишь в период до вызревания и затвердения травянистых растений.

Для уточнения этимологии славянского наименования косы следует использовать прежде всего названия косы в других языках, независимо от степени их родства со славянскими. Соответствующие материалы подтверждают, что значение орудия специального действия — косьбы — не единственное из тех, которые могут быть приписаны слову *коса* в качестве его первоначального значения. Так, с одной стороны, две параллельные формы древнегерманского названия косы, отраженные в др.-в.-н. *segensa* (> совр. нем. *Sense*) и в др.-в.-н. *segisna* < **segasna*, англ. *scythe* и т. д., образованы от основы *seg-* < и.-е. **sek-* 'резать, рубить'⁸⁸ и могут быть истолкованы как названия орудия косьбы. Приблизительно в том же смысле может быть понято и значение названий косы (и серпа) в бурят-монгольском (*хадуур*, *хажуур*), калмыцком (*хаж*, *хадур*) и в тувинском (*кадыыр* — заимствование из монгольского) языках, где эти названия образованы от корня *xad-*, содержащегося в глаголах монгольского языка *xаdах* 'подрезать, косить, вбивать (гвоздь), набивать' и *хадрах* 'срезать клыками'⁸⁹. Но, с другой стороны, общебалтийское название косы, представленное в лит. *dalgis*, *dalgė*, *dėlgė*, лтш. *dalgs* (может быть, литуанизм), прус. *doalgis*, по мнению большинства исследователей, связано с др.-сканд. *telgia* 'обтесывать, обрубывать, кроить, вырезать', англос. *telga* 'ветвь, сук', с.-хорв. диал. *dlaga* 'доска для закрепления переломанной кости', чеш. *dláha* 'доска для переломанной кости, лубок, половица, бревно под полом', польск. диал. *dłożka* 'пол', в.-луж. *dložica* 'плитка для мощения, торец'⁹⁰, а не с лат. *falx*, *-cis* 'коса, серп', др.-англ. *dolg* 'рана' или др.-сканд. *dálkr* 'игла, кинжал', ирл. *delg* 'колючка, игла'⁹¹.

⁸⁸ Kluge—Götze¹⁶, стр. 720; F. Specht. Zur ahd. Stammbildung. — «Altdeutschen Wort und Wortkunstlehre». Halle (Saale), 1941, стр. 109, 123.

⁸⁹ А. Р. Ринчинэ. Краткий монгольско-русский словарь. М., 1947, стр. 252.

⁹⁰ A. Fick. Europäisches á und ê. — BB II. Göttingen, 1878, стр. 198; E. Lewy. Etymologisches. — «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. XXXII. Halle a. S., 1906, стр. 148; W al d e I, стр. 365, 450; M. Niedermann. Essais d'étymologie et de critique verbale latines. Neuchâtel, 1905, стр. 23; K. Mühl en b a c h, J. E n d z e l i n. Lettisch-deutsches Wörterbuch, Bd. I. Riga, 1923—1925, стр. 434—435; ср.: B e r n e k e r, стр. 207; F r a e n k e l, стр. 81.

⁹¹ T. Froehde. Griechische und lateinische Etymologien. — BB XVII. Göttingen, 1891, стр. 310; J. J. Mikkola. Baltische Etymologien. — BB XXV. Cöttingen, 1899, стр. 74—75; H. Pedersen. Vergleichende Grammatik der keltischen Sprachen, Bd. I. Göttingen, 1909, стр. 106; H. Junker. Zu skr. *mudrā*. — IF XXXV. Strassburg, 1915, стр. 276.

Особенно показательным для уяснения этимологии славянского названия косы представляется более позднее латышское название этого орудия — *izkaps (izkapte)*, заимствованное также эстонским и финским языками в виде эст. *viikat*, фин. *viikate*⁹². Лтш. *izkaps (izkapte)* образовано уже в период обособленного существования латышского языка от глагола *izkapât* ‘вырубать’ (*kapât* — ‘рубить, бить, толочь’) подобно именам существительным *izraksts* ‘вышивка, выписка’ (от *izrakstît* ‘украшать, выписывать’), *izspaidis* ‘выжатое’ (от *izspaidît* ‘выжимать’), *izstaipts* ‘полотенце, растянутое’ (от *izstâipît* ‘растягивать’), *izmesls* ‘преждевременно рожденное’ (от *izmest* ‘выбросить’), *izkuls* ‘вымолоченный хлеб, умолот’ (от *izkult* ‘вымолачивать’), *izšuve* ‘вышивка’ (от *izšût* ‘вышивать’) и т. д. Таким образом, прямое значение лтш. *izkaps (izkapte)* может быть понято либо как ‘вырубленное’, либо как ‘выкованное’. И в том и в другом случае латышское название косы семантически с действием косьбы не связано, а указывает на действие, результатом которого коса является. Вместе с тем первоначальная семантика слова *izkaps* — все равно, понимать ли ее как ‘выкованное’ или как ‘вырубленное’ — указывает на то, что металлическая коса представляет собой лишь новую разновидность орудия для уборки травы, которое вначале, вероятно, изготовлялось целиком из дерева. Это значит, что слово *izkaps* либо заменило собой в латышском языке более старое название неметаллической косы (если его понимать как ‘выкованное’), либо представляет собой именно одно из старых названий деревянной косы (если его истолковывать как ‘вырубленное, обрубок’ и т. п.).

Общетюркское название косы *çalgy*, представленное в узб. *чалгы*, кирг. *чалгы*, уйгур. *чалға*, казах. *шалгы*, башк. *салгы* и т. д., восходит к корню *çal-* со значениями ‘одним махом ударить, зарезать (скотину), бросить, уронить, махать, косить’ и др.⁹³, причем значение ‘косить’, свойственное этому корню лишь в небольшой части современных тюркских языков, в общей совокупности указанных значений данного корня представляется более поздним, как и принадлежащие этому же корню в отдельных языках значения ‘украсть’, ‘выбрать’, ‘играть на музыкальном инструменте’ (по-видимому, через значение ‘ударять’), ‘склоняться к ч.-л.’

Определенный интерес для настоящего исследования могло бы представить и севернорусское название косы с короткой рукояткой — *горбуши* или *горбули*, если бы была уверенность в его первичности (исконности). В таком случае это название почти полностью исключало бы распространенное предположение о происхождении косы из серпа и о том, будто горбуша является про-

⁹² E. Nieminen. Die Benennungen der Sense in den ostseefinnischen Sprachen. — LP V. Poznań, 1955, стр. 79—84.

⁹³ В. В. Радлов. Опыты словаря тюркских наречий, т. III, ч. 2. СПб., 1905, стр. 1875—1876.

межучточной ступенью в развитии косы из серпа. Если при таком условии название *горбуша* объяснять, как это обычно делается, тем, что при косьбе горбушей косарь вынужден наклоняться (горбиться), то представляется совершенно невероятным применение такого названия как средства отличия нового орудия от его предшественника — серпа, который заставляет жнеца гнуться еще в большей степени, чем горбуша. Название *горбуша* (*горбуля*) с такой именно его мотивацией могло появиться лишь как средство отличия косы с короткой рукояткой от обычной косы с длинной рукояткой, применение которой не заставляет человека наклоняться. Но название *горбуша* могло быть применено к данной разновидности косы и не одновременно с ее возникновением, а лишь после более позднего распространения на соответствующей территории косы с длинной рукояткой, которая стала восприниматься теперь как обычная коса и вызвала необходимость в новом названии для старой косы с короткой рукояткой. Еще одна возможность заключается в том, что название *горбуша* (*горбуля*) объясняется не позой работающего косаря, а изогнутой формой ее рукоятки (в виде буквы *s*) или же связано со значениями слов *горбыль*, *горбушина* 'кусок бревна' и т. п.⁹⁴ Отсутствие какою-либо убедительного аргумента в пользу одного из указанных возможных пониманий значения слова *горбуша* (*горбуля*) лишает это слово той ценности, которую оно могло бы иметь для этимологии слова *коса*.

Сопоставление данных об этимологии обоих балтийских названий косы с данными о древнейших значениях и.-е. корня **kes-/kos-* приводит к выводу о том, что праслав. *kosa* первоначально означало 'обрубленная (обтесанная, срезанная) жердь (клюка), обрубленный сук'. В этом своем значении слав. *kosa* ближе всего примыкает к русск. *косуля* 'соха', блр. *касўля* 'соха, плуг', др.-англ. *hoss* 'ветвь, отросток', греч. *κίστος* 'дрова' и др. Трудно сказать, достигалось ли при помощи такой обтесанной жерди или клюки полное отделение всей травы от корней. Во всяком случае, такая примитивная «коса» годилась для того, чтобы повалить траву на землю и тем самым прекратить ее вегетацию, т. е. проявить, после чего могли следовать другие операции сеноуборки.

В связи с предложенным здесь пониманием первоначального значения слова *kosa* как указания на нечто обрубленное или обтесанное предстает в новом свете этимологическая связь славянского существительного *kosa* с славянским прилагательным *kosъ* (русск. *косой*), а также сама этимология этого прилагательного, намеченная уже В. Махеком и Г. Якобсоном⁹⁵. Обычное истол-

⁹⁴ Даль I, стр. 377.

⁹⁵ V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského, стр. 225; Г. Якобсон. Развитие понятия времени в свете славянского *časъ*. — «Scando-Slavica», t. IV. Copenhagen, 1958, стр. 304.

кование слова *kosъ* как производного от *kosa* (по признаку изогнутости, кривизны косы)⁹⁶ неубедительно прежде всего с точки зрения формальных отношений: случаи образования прилагательных с нераспространенной основой на *-и-* от существительных с основами на *-а* в праславянском неизвестны. Между тем форма производного ст.-слав. *косвенъ*, русск. *косвенный* указывает на то, что прилагательное *kosъ* имело основу на *-и-*. Кроме этого, такое истолкование основывается на слишком сомнительном предположении о большей древности слова *kosa* по сравнению с *kosъ*, не говоря уже о том, что оно приписывает древней косе такую внешнюю форму, которой она могла и не иметь. Все эти сомнения отпадут, если первоначальное значение слав. *kosъ* увязать с обнаруженным в слове *kosa* первоначальным значением 'обрубленное, обтесанное'. В этом случае прилагательное *kosъ* оказывается в генетическом смысле тем же самым словом, что и существительное *kosa*, получившим лишь другое оформление основы, а свойственная ему семантика кривизны и косости восходит к более конкретной семантике срезанности, обрубленности. Развитие значения 'косой' из значения 'срезанный, обрубленный' подтверждается целым рядом параллелей из истории семантики имен прилагательных, обозначающих размер и внешнюю форму предметов, в различных языках. Так, например, праслав. **kortъkъ* 'короткий', лат. *curtus*, ирл. *cert* то же и др. являются производными от и.-е. корня **ker-* 'резать' и первоначально означали 'обрезанный' (в латинском языке это значение слова *curtus* непосредственно зафиксировано). В арабском языке основное слово, служащее для обозначения понятия 'короткий' (в пространственном и временном смысле) — *qaṣīr* — образовано от корня *q-ṣ-r* 'быть коротким, укороченным', родственного с корнем *q-ṣ-ṣ* 'резать, стричь' и др. В исландском языке слово *sneida* 'резать' означает также 'делать косым, наклонять вкось', в шведском *sned* 'косой' связано с глаголом *snida* 'вырезать' и т. д.⁹⁷

В свете приведенных фактов становится вполне очевидной непосредственная генетическая связь слав. *kosъ* с иранским словом в значении 'малый' — авест. *kasu-*, пехл. *kas*, а также его производными — перс. диал. *kastar* 'младший', перс. *kastan* 'уменьшать' и др.⁹⁸ Значение 'малый' в иранском корне *kas-*, как и значение 'косой, кривой' в соответствующем славянском корне, также может быть возведено к значению 'обрубленный,

⁹⁶ Miklosich, стр. 134; Преображенский I, стр. 369; Holub-Koreňy, стр. 181—182; Vasmer I, стр. 641. Ср. не более убедительное предположение о противоположном ходе развития — от обозначения кривизны к названию косы: O. Wiedemann. Etymologien. — ВВ XXVIII. Göttingen, 1904, стр. 15—16.

⁹⁷ Ср.: Я. Грот. Филологические разыскания, т. I. Изд. 2. СПб. 1876, стр. 331—332; Г. Якобссон. Указ. соч., стр. 304.

⁹⁸ Абаев I, стр. 589.

обрезанный, укороченный'. Ввиду принадлежности слав. *kosъ* и авест. *kasu-* к одной и той же категории основ на *-u-* можно утверждать, что слово *kosъ-* со значением 'обрезанный, укороченный' существовало уже в индоевропейском праязыке.

На славянской почве корень *kos-* оказался довольно продуктивным. Наиболее прозрачными образованиями с этим корнем являются производные от имени существительного *kosa* и прилагательного *kosъ*. Не говоря уже о наиболее очевидных производных этой группы типа русск. *косить* (1), *косить* (2), *косарь*, *косовица*, *косё*, н.-луж. *kosawa* 'хорошая трава, пригодная для кошения', словен. *kobšnja* 'косовица', чеш. *kosmý* 'косой, кривой', н.-луж. *kósnju* то же, с.-хорв. стар. *косан* 'крутой, обрывистый' и т. д., сюда же следует отнести образованные от названия косы уже в период изготовления ее из металла слова, обозначающие определенные разновидности режущих орудий, в том числе ст.-слав. *косорь* 'серп, коса', русск. *косарь*, *косыр* 'большой тяжелый нож, нередко из обломка косы' (Даль), чеш. *kosíř* 'нож для резания соломы; резак для ветвей; старый вид оружия', болг. *косер* 'серповидный нож', с.-хорв. *кдсијер*, *кдсир* 'большой садовый нож', диал. *кдсор* 'нож для резания терна', словен. *kosár*, *kosér*, *kosír*, *kosírník* 'кривой нож', *kosarica*, *koserica* 'большой нож', укр. *косак* 'большой нож для резания капусты', польск. *kosak* 'незубренный серп; нож для резания соломы и капусты', чеш. и словц. *kosák* 'серп', н.-луж. *kósak* 'садовый нож', словен. *kosják* 'большой нож, секач', чеш. *kosina* 'старинное оружие', польск. диал. *kosica* 'нож для резания капусты' и др. Сюда же принадлежат известные в русских говорах производные от этих имен глаголы *косарить* 'подсекать поросль в лесу', *косырить* 'подсекать, резать, рубить, крошить'. Некоторые из этих названий, возможно, связаны не со словом *косá*, а со словом *косбй*, хотя эта связь может быть и вторичной.

Наряду с этими производными от слов *kosa* и *косой* в славянских языках имеется значительное количество более древних производных от корня **kes-/*kos-* в его более широком значении битья, рубания, касания, чесания и т. д. Звуковая и словообразовательная близость этих слов к слову *kosa* служит дополнительным подтверждением правильности предложенной здесь его этимологии. К числу таких производных от корня **kes-/*kos-* принадлежат, в частности, русск. *косяк* 'колода, пень, лом, стожок, простой долбленый улей', н.-луж. *kósak* 'кнут, палка', чеш. *kosiba* 'кривое дерево, судейский жезл', русск. диал. *косбра* 'пни в воде? рычаг, которым их вытаскивают', *костыг*, *костыжбк* 'род широкого шила, плоский крюк, осаженный в колодочку, для ковыряния лаптей', польск. *kosior*, *kosiur*, *koszor*, *koszur* 'кочерга, рукоятка кочерги', *kosacina* 'малые лежащие в лесу ветви, хвоя', *kosuty* 'хвойные иглы', *kosura* 'куча, скирда' (первоначально — чего-то нарублен-

ного, нарезанного, ср. *костер*), а также образованное от слова *kosa* ('волосы') или параллельно с ним общеслав. *kosъ* и его производные. Из образованных от этого же корня глаголов следует упомянуть русск. диал. *косылять* 'бить, косать', укр. *козати* 'выращивать; любить' (первоначально 'расчесывать, ухаживать' и т. п.), *косóритися* 'заявлять претензии; быть дерзким', польск. *kochać* 'любить, обнимать, хватать' (относительно *x* вместо *s* ср. укр. *просити*—*прохати*, *колицати*—*колизати* и др.), а также укр. *кошлати* 'взъерошивать', *кошлатий* 'мохнатый'. Сюда же принадлежат словен. *čes*, *česec* 'щепка', *česnják* 'зуб' (уничиж.), *česúlja* (*česúlja*) 'оторванная ветка, оторванный кусок грозди', *česmina* (*česmin*, *česmiga*, *česmika*, *česmina*, *česmin*, *česmika*, *česmiga*) 'барбарис', н.-луж. *ceslica* 'тесло, секира', русск. *чеснок*, укр. *часнік*, диал. *чоснік*, польск. *czosnek* (*czosnyk*, *czosnak*, *czostek*, *czostak*), чеш. *česnek*, словен. *česen*, *česnik*, болг. *чесън*, с.-хорв. *чѣсан*, *чѣснѣк*, ст.-слав. *чеснѣкъ* (*чеснѣць*) 'чеснок', *чесноватъ* (*чесновитъ*) 'расколотый, разделенный' (на зубцы, о чесноке), с.-хорв. *чѣсно* 'зубок чеснока', польск. *czosnek*, *czosnkowanie* уст. 'засека, палисад, шлагбаум'. На связь слова *чеснок* с корнем **kes-/kos-* указывали уже Ф. Миклошич, Э. Бернекер и др.⁹⁹, однако предполагаемое этими авторами образование слова *чеснок* непосредственно от глагола *česati* вряд ли может быть признано возможным.

Уже раньше было высказано предположение о принадлежности к этимологическому гнезду слов с корнем **kes-/kos-* славянского слова *časъ* 'час, время'¹⁰⁰. Особенно обстоятельно разработано это сопоставление Г. Якобсоном¹⁰¹. Большинство соображений Г. Якобсона, касающихся этого сопоставления, представляются вполне убедительными, хотя наряду с предполагаемым у него первоначальным значением слова *časъ* 'нарезка' может быть предложено и другое понимание — именно как 'удар' в смысле периодически подаваемого сигнала. В пользу такого понимания говорит прежде всего то, что самое конкретное из сохранившихся значений слова *časъ* 'временной пункт (в пределах суток)' более естественно восходит к значению 'удар-сигнал', чем к значению 'нарезка'. Об этом же свидетельствует и семантическая параллель *razъ—raziti*.

Почти в такой же степени, как у слова *časъ*, очевидна принадлежность к рассматриваемому этимологическому гнезду и у слова *časa* (русс. *ча́ша*), также предположенная уже Г. Якобсоном¹⁰². Первоначальное значение этого слова, относимого в прошлом

⁹⁹ Miklosich, стр. 35; Вегнекер, стр. 151; Преображенский, вып. последний, стр. 71.

¹⁰⁰ М. Будимир. Ономастолонки и граматички прилози. — «Јужнословенски филолог», кн. 6, 1926—1927, стр. 167.

¹⁰¹ Г. Якобсон. Указ. соч., стр. 286—307.

¹⁰² Г. Якобсон. Указ. соч., стр. 306.

к числу иранских заимствований¹⁰³, может быть понято и как 'вырезанное', и как 'выдолбленное'. Отсутствующее в других балтийских языках прусск. *kiosi* 'кружка', отражающее более древнюю звуковую форму **kjāsi*, представляет собой заимствование из праславянского языка еще того периода, когда первая переходная палатализация заднеязычных не начиналась, а праслав. *ě* (< *ē*) звучал как *iā*.

На фоне рассмотренных материалов в новом свете предстает вопрос об этимологии славянского слова *kaša* (русск. *каша*). Как известно, высказанное еще А. А. Потемней мнение о связи слова *каша* с лит. *kāsti* 'копать', *kasýti* 'скрести, царапать'¹⁰⁴ впоследствии было отвергнуто в пользу мнения Й. Зубатого¹⁰⁵ и А. Мейе¹⁰⁶, сопоставивших слово *kaša* с лит. *kōšti*, лтш. *kāst* 'цедить', которым они приписывают первоначальное значение 'просеивать'. Оба объяснения исходят из вполне обоснованного предположения о том, что название **kāsja* вначале относилось не к приготовленной пище, а к продукту, употреблявшемуся для ее приготовления. Это старое значение слова *каша* сохраняется еще в некоторых славянских языках до сих пор наряду с более обычным теперь значением густо сваренной пищи; ср. польск. *kasza* 'каша' и 'грубо помолотое зерно; крупа из зерна; целые зерна' (например, гречихи)¹⁰⁷, диал. 'просо; семена'¹⁰⁸, с.-хорв. *kāša* 'каша; крупа'¹⁰⁹, словен. *kaša* 'каша, особенно пшенная; крупа', *babja kaša* 'крупа'¹¹⁰. Однако как данные этих языков, сохранивших архаические значения слова *kaša*, так и данные истории материальной культуры славян свидетельствуют о том, что название **kāsja* должно было в первую очередь относиться либо к толченому просу, т. е. пшену, либо вообще к вымолоченному зерну. Именно первоначальное значение 'вымолоченное зерно' является наиболее естественным основанием для развития у польского слова *kasza* значения 'семена' и для образования производного *kāška* (*kaška*) со значением 'соцветие' и т. п., между тем как от значения 'просеянная крупа из молотого зерна' такого развития ожидать трудно. Вместе с тем известно, что очистка пшена или вымолоченного зерна в примитивных условиях производится не просеиванием, а отвеиванием, и, таким образом, понимание названия **kāsja*, относи-

¹⁰³ Вегнекер, стр. 137, и др.

¹⁰⁴ А. А. Потемня. К истории звуков русского языка, III. Этимологические и другие заметки. — РФВ. Варшава, 1880, стр. 13.

¹⁰⁵ J. Z u b a t ý. Etymologien. — AfsIph XVI, 1894, стр. 395 (перепеч. в «Studie a články», sv. I, č. 2. Praha, 1949, стр. 100).

¹⁰⁶ А. Мейлет. Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave, стр. 396.

¹⁰⁷ «Słownik języka polskiego», t. II. Warszawa, 1902, стр. 290.

¹⁰⁸ J. K a r ł o w i c z. Słownik gwar polskich, t. II. Kraków, 1901, стр. 320.

¹⁰⁹ К а р а ц и њ, стр. 277.

¹¹⁰ P l e t e r š n i k I, стр. 389.

мого к пригодному для приготовления пищи зерну, как «просеянного» теряет под собой реальную почву. Ввиду этого слово **kāsja* скорее всего может рассматриваться как производное от корня **kes-/kos-*, образованное по типу отношения *grebō—grobъ—grabja-* (русск. *грáбли*, чеш. *hrabě*) и обозначавшее вначале 'толченное' или 'вымолоченное'.

Около половины славянских производных от корня **kes-/kos-* включают в свой состав суффиксальный элемент *-t-*, чаще всего в сочетании с последующим *-r-* или *-l-*. В наиболее тесной семантической связи с н.-луж. *kōsak* 'кнут, палка', польск. *kosior* 'кочерга', русск. *косбра* и др., а также с устанавливаемым здесь первоначальным значением слова *kosa* 'обрубок, отесь' находятся такие слова, как русск. *костыль* и его производное *костылять*, блр. *кастыль*, с.-хорв. *kōstילו* 'лощило', польск. *kostur* 'посох', укр. *кбстур* то же, *костюра* 'нож для убивания животных', *коштюра* 'скребок', словц. *koštúr* 'кинжал', болг. *костюра* 'карманный ножик'. Прямым соответствием лат. *castrum* 'укрепление, лагерь', связанным с глаголом *castrō* 'рубить'¹¹¹, является русск. *костёр* 'поленница, сложенные в клетку дрова, высокий сруб, башня, большая груда, куча; подопечье', укр. *костёр*, 'сажень дров, куча камыша', блр. *касцёр* 'поленница, стопка', польск. *kostra*, *kostro* 'сажень, скирда' (ср. выше *kosura* 'куча, скирда'), словен. *kóster* 'костер'. Первоначальное значение 'обрубки, обломки' отчетливо прослеживается в такой группе слов, как русск. *костра́*, *костри́ка* (*костёръ*, *костёря*, *костри́ца*, *костри́га*, *косты́га*, *косты́ка*, *косты́ца*) 'внутренняя одревесневшая часть стебля волокнистых растений, раздробляемая и отделяемая от волокна при трепании', укр. *костри́ця*, блр. *кастры́ца* то же, польск. *kostra*, *kostrzyca* то же. Сюда же, вероятно, принадлежит также русск. диал. *кострёл* 'хвойные иглы' (ср. выше польск. *kosuty*) и *косты́рь* 'заноза, щепочка, спичка'. Первоначальная разновидность значения корня **kes-/kos-* 'колоть', указывающего на свойство обозначаемого предмета, должна быть предположена у названия растений русск. *костёр*, диал. *костёръ* (*костра́*, *кострѐц*) 'метлика, овесец, дырса, Bromus', укр. *костёр* 'Bromus inermis, костёр', *костри́ця* (*костеря́ва*) 'Festuca, овсяница', польск. *kostrzewa* 'овсяница', чеш. *košťava*, словц. *kostrava* то же, в.-луж. *kostrjawa* 'овсец, костер', с.-хорв. *кострба* то же, *kōstrava* 'вид травы', словен. *kostrēba* (*kostrēva*) то же, *kostrēvec* 'куколь', *koštrika* 'Ruscus, иглица', н.-луж. *kōstřowa* (*kōstřawa*, *kōstřewa*) то же, полаб. *kūstřeva* то же, н.-луж. *kōstšań* 'полевой хвощ', у слов, обозначающих щетину (волосы, шерсть), например, словц. *kostrnok* 'волосы, щетина', с.-хорв. *kōstrijem* 'козья шерсть', а также у группы слов, указывающих на острые торчащие части предмета, например словц. *kostrba* 'кочерыжка, прядь',

¹¹¹ W a l d e I, стр. 180.

kostrbatý 'неровный', укр. *кóструб* 'неряха', *кострубáтий* 'косматый, вихрастый', русск. диал. *кострубáтый* 'шершавый, шероховатый', блр. *кастрыбаваты* 'шероховатый, шершавый', польск. *kostrubaty* (*kostrobaty*, *kostropaty*) то же, чеш. *kostrbatý* 'корявый, шершавый', *kostroum* 'что-либо торчащее вверх; необрубленная ель'.

Особо следует рассмотреть вопрос об отношении к словам с корнем **kes-/kos-* общеславянского слова *kostь* и его производных. Общепринятой этимологии это славянское слово до сих пор не имеет. Часть авторов связывает его с лат. *costa* 'ребро, бок'¹¹², хотя эта ссылка на столь же темное латинское слово фактически никакой этимологии не представляет. Другая часть исследователей пытается установить связь слав. *kostь* (в более поздних работах — также и лат. *costa*) с лат. *os* (*ossis*), греч. *ὀστέον*, др.-инд. *ásthī* 'кость', предполагая то присоединение древнего префикса *k-* к индоевропейскому корню, начинавшемуся с *o*¹¹³, хотя другие примеры подобной суффиксации в индоевропейских языках почти полностью отсутствуют (приводится еще параллель слав. *k-oza*: др.-инд. *ajā*), то метатезу *k* из сконструированной праформы **osthrk-*¹¹⁴.

Внимательное изучение соответствующего материала приводит к заключению, что слово *kostь* не является древним, унаследованным из индоевропейской эпохи обозначением кости у славян. С одной стороны, есть основания предполагать, что в праславянском для обозначения кости употреблялось слово с общеиндоевропейским корнем *ost-*¹¹⁵. Об этом свидетельствует значение 'рыбья кость' у польского слова *ośc*, сохранившегося в данном значении наряду со словом *kośc*, вероятно, благодаря сходству таких костей рыбы с остюками растений, обозначаемых в славянских языках омонимичным словом *ostь*, родственным слову *ostrъ(-jь)*. С другой стороны, ряд фактов говорит о том, что в праславянском языке имелись слова для обозначения кости, родственные словам других индоевропейских языков с корнем **kaul-* (лит. *káulas* 'кость, нога', лтш. *kaĩls* 'кость, нога, стебель', прусск. *caulan* 'нога', *kaules* 'шип', др.-инд. *kulya-* 'кость', греч. *καυλός* 'стебель, стержень, рукоять', лат. *caulis* 'стебель, ствол', ирл. *cuaille* 'кол'. Ср. русск. диал. *кульжа*, *кульша* 'бедренный мосол', *кульгавый* 'колченогий, хромой', *кулявый* 'хромой', *култыга*, *култыш*, *культень*, *культя*

¹¹² J. Schmidt. Kritik der Sonantentheorie. Weimar, 1895, стр. 158; Berneker I, стр. 582—583; Н. Pedersen. Указ. соч., I, стр. 85; Walde I, стр. 281; Преображенский I, стр. 368; Vasmer I, стр. 643.

¹¹³ R. Meringer. Beiträge zur Geschichte der indogermanischen Deklination. Wien, 1891, стр. 42; P. Persson. Beiträge. . ., I, стр. 526; Ernout—Meillet, стр. 146; Machek, стр. 224.

¹¹⁴ J. J. Mikkola. Urslavische Grammatik III. Heidelberg, 1950, стр. 40.

¹¹⁵ Ср.: Machek, стр. 343.

рука или нога без пальцев', *кульга* 'хромой', *кульна*, *культяна* 'безрукий, косолапый; искалеченная рука', *культяк* 'криворукий', *кульнать*, *культыхать*, *кульгать* 'хромать', блр. *кўльша* 'бедро', *кульгавы* 'хромой', *кульгаць* 'хромать', укр. *кўльша* 'бедро', *кульга* 'хромой, безногий человек', *кульгавий* 'хромой', *кульгати* 'хромать', польск. *kulsza* 'седалищная кость'¹¹⁶, *kula* 'костыль' (для хромого), *kulawy* 'хромой', *kulas* 'хромой человек', диал. *kulgać* 'хромать', чеш. *kulhavý* 'хромой', *kulhati* 'хромать', словц. *kulhat'*, *kuľhotat'* 'хромать', словен. *kulj* 'с искалеченными рогами', *kuljav* 'хромой'. Предположение об употреблении в праславянском корня *kul-* для обозначения кости (ноги) дает возможность возвести к этому корню не имеющее до сих пор убедительной этимологии славянское название нескольких видов болотных голенастых птиц — русск., укр. *кулік*, блр. *кўлік*, польск. *kuлик*, чеш., словц. *kuлік*, которое обычно считается звукоподражательным¹¹⁷. Могли быть и другие названия для кости (ср. русск. *мосо́л*).

Предположение о непервичности славянского слова *kość* в его современном значении подтверждается значениями некоторых старых производных от этого слова в различных славянских языках, а также употреблением самого слова *kość* в памятниках и в говорах. Все эти данные приводят к выводу о том, что славянское слово *kość* является производным от корня **kes-/*kos-* и что первоначальное значение этого слова было непосредственно связано с оттенком значения 'рубить, убивать' в корне **kes-/*kos-* и указывало на труп или части трупа убитого человека или животного. Последующее развитие этого значения шло по двум направлениям: с одной стороны, через понятия 'тело убитого' — 'труп вообще, падаль' — 'захороненный труп' — 'останки трупа' — 'кости', с другой стороны, через понятия 'падаль' — 'разлагающийся труп животного' — 'гадость'.

Развитие современного значения слова *кости* на основе первоначального значения 'труп убитого или его части' отчетливо прослеживается в ряде фактов. Древнерусское выражение *пасту костию* означает 'пасть на поле боя, быть убитым': «и солгавъ оканны: сице связавъ, предаст их татаром своим; а город взяша а люди исѣкоша; и ту костью падоша» (1 Новг. лет., 1224 г.); «а сами побѣгоша на лѣсъ, пометавше от себе все оружие, щиты и сулицы; а инѣи ту костию падоша» (1 Новг. лет., 1234 г.). Соответственно этому обычное в древнерусских летописях выражение *на костехъ* означает 'на поле битвы', причем во всех случаях имеется в виду битва, только что закончившаяся, когда одно из

¹¹⁶ По мнению И. М. Эндзелина, слово *kulsza* заимствовано в польском языке из литовского (лит. *kūlsė* 'бедро'), в восточнославянских — из польского; (И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды, X, 1911, стр. 33—34).

¹¹⁷ Преображенский I, стр. 410.

сражавшихся войск еще не покидало места сражения. Ср.: «и го-ниша их, бьюще, до города, въ три пути, на 7 версть, якоже не мощи коневы ступити трупемь. . . и тако сташа близъ противу себѣ, ожидающе свѣта. И тако оканнѣи преступници кресту, не дождавше свѣта, побѣгоша. Новгородци же сташа на костех 3 дни и приидоша въ Новѣгород, привезоша братью свою избивеных» (1 Новг. лет., 1268 г.). Особенно часто встречается в древнерусских памятниках выражение *стати на костехъ* в смысле 'оставить за собой поле битвы, не уйти с места сражения'. Например: «И богъ поможе мужемъ псковичемъ и изборяномъ, посѣкоша нѣмецъ. . . овѣхъ побиха, а инии прочь побѣгоша посрамлени. И сташа псковичи на костех» (3 Пск. лет., 1343 г.); «Татарове же одолѣша христіяномъ и сташа на костѣхъ» (Соф. врем. 1378 г.); «от страха божия и от оружіа христіяньскаго падаху безбожнии татарове. . . Сиа же сдѣяся побѣда князю великому мѣсяца сентября въ 8, на Рожество святѣи богородици, в субботу. Князь же великий Дмитрии съ братомъ своимъ съ княземъ Володимеромъ, ставъ на костех татарскихъ, и многыя князи руския и воеводы прехвалными похвалами прославиша пречистую мать божію» (1 Новг. лет., 1380 г.) и т. д.¹¹⁸ Именно значение 'телo убитого человека', в отличие от значения 'труп мертвеца', следует предположить у слова *кости*, употребленного в статье 19 всех списков пространной редакции «Русской правды»: «А по костехъ и по мертвеци не платитъ верви, аже имене не вѣдають ни знаютъ его» (РП Троицк. I, 19). В таком случае эта статья означает, что вервь не должна платитъ виру за (найденного на ее территории) убитого или мертвого, если неизвестны его имя и личность¹¹⁹.

Первоначальное значение слова *kosti* 'труп, трупы', наряду со значением 'твердые части организма', зафиксировано в сербохорватском языке, в котором «форма множ. ч. *kosti* часто означает труп или трупы, независимо от того, отпало ли мясо от костей»¹²⁰.

Дальнейший этап развития значения праславянского слова *kosti* отражен в польском выражении *kości świętych* 'мощи святых', в котором это слово означает уже не труп убитого, а вообще останки мертвого¹²¹. С этим же значением связано и ст.-польск.

¹¹⁸ Другие примеры см. в словаре И. И. Срезневского (Срезневский I, стр. 1297—1298).

¹¹⁹ Из помещенных в академическом издании «Русской правды» переводов этой статьи ближе других к содержанию оригинала оказался русский перевод Ив. Болтина, сделанный в 1792 г., в котором древнерусскому выражению «по костехъ и по мертвеци» соответствует выражение «за мертвое тело», между тем как в русском переводе В. И. Сторожева, в польском переводе Раковецкого и в немецком переводе Геца древнерусское слово *кости* передано русским *кости*, польским *kości* и немецким *Knochen* (Правда Русская, II. Комментарии. М.—Л., 1947, стр. 329).

¹²⁰ «Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika», d. V. Zagreb, 1898—1903, стр. 369—370.

¹²¹ M. S. B. Linde. Słownik języka polskiego, t. II. Lwów, 1855, стр. 453.

košnica 'предпогребальный дом': «К. служит для складывания тел перед погребением вплоть до истечения определенного времени»¹²². Наряду с этим значением польск. *košnica* (*kostnica*) имеет и более новое значение — 'помещение для костей умерших'. Такие же два значения — 'помещение для умерших' и 'помещение для костей' — зафиксировано и в словен. *kostnica*, *kostenjāca*. Следы древнего значения 'место захоронения убитых и умерших' можно усмотреть и в болг. *кѡстница* 'братская могила, собрание костей героев или мучеников', чеш. *kostnice* 'помещение для костей мертвецов; братская могила', хотя здесь оно уже почти полностью вытеснено новым значением, связанным с новым пониманием слова *кости*.

К этапу развития значения слова *кости*, отраженному в значениях ст.-польск. *košnica*, словен. *kostnica*, *kostenjāca*, относится и рус. диал. *костыч* «женский саван из холста, вроде сарафана; будничный крашенинный сарафан, широкий в подоле и косоклинный, носят его более старухи и староверки» и т. д.¹²³

Дальнейший переход от значения 'останки мертвеца' к современному значению слова *кости* настолько естественный и непосредственный, что даже нет надобности проследивать его по памятникам и диалектным материалам.

Этапы развития значения слова *кость*, проходившего в другом направлении — по линии 'труп убитого животного' — 'падаль' — 'гадость', непосредственно в слове *кость* ни одним славянским языком не засвидетельствованы. Возможно, что к началу этого семаσιологического развития восходит закрепление за словом *kosti* переносного значения 'тело живого животного', отмеченного в польском языке. Ср.: «Już konia wyzwolono z wojennych trudności, Aby sobie wytchnąwszy znowu nabrał kości (Wyprawa plebańska Abbertusa)»¹²⁴. Но свойственное слову *kosti* на определенном этапе значение 'гадость' сохранилось в образованных от этого слова производных глаголах и отглагольных существительных. Именно это значение слова *кость* отражается в русск. *костить* 'марать, гадить, грязнить, поганить; испражняться', блр. *кощыць* 'испражняться', русск. *костёнок*, *кощёнок* 'сквернавец, мерзавец; поганец, пакостник', *кощун* (< **kostjunъ*) 'осквернитель святыни', *кощунство*, *кощунствовать*, ст.-слав. *коштоунати*, *коштоунити* 'говорить вздор, срамословить', др.-русск. *кощюньникъ* 'сквернослов' (ср.: «Бѣ бо пьяница и студословець, празднословецъ и кощюньникъ». — Сузд. лет., Лавр. 1262 г.). Через разнovid-

¹²² «Słownik języka polskiego», t. II. Warszawa, 1902, стр. 502 (цитируется И. Гацкий).

¹²³ Д а л ь II, стр. 176.

¹²⁴ M. S. V. L i n d e. Указ. соч., II, стр. 453; «Słownik języka polskiego», t. II, стр. 501. — Впрочем, это переносное значение обнаруживает связь и со значением 'тело живого человека', зафиксированным в польском же языке: «Koszula kości otula» («Słownik języka polskiego», t. II, стр. 501).

ность значения 'неприличные слова, сквернословие' развилось значение ст.-слав. *коштуѡна* (*коштуѡна*) 'басня, вздор'.

Вероятно, уже только в восточнославянских говорах исторически возникшая омонимия между *кость* 'твердая часть организма' и *кость* 'гадость' была устранена путем образования от глагола *костить* по образцу отношений типа *творить*—*тварь*, *гореть*—*гарь* и др. новой звуковой формы имени существительного *касть*¹²⁵, от которого были выведены и соответствующие производные. Ср. русск. диал. *касть* 'негодные остатки на бойнях, пакость, мерзость, гадость, скверна, сор, дрянь, мышь, крыса, гад', *ка́стный*, *кастнѡй*, *кастлѡвый* 'пакостный, гадкий, мерзкий, нечистый', *кастѡть* 'грязнить, гадить, марать, сорить, испражняться, бранить, сквернословить', *кастѡня*, *кастѡнок* 'мерзкий ребенок, пакостник, который не просится', блр. *ка́сциць* 'портить, марать, пачкать, сорить', *каснѡй* 'срамной, скверный, худой'.

Еще одним отражением развившегося некогда у слова *кость* значения 'гадость' является праславянское слово *pakostь* и его производные (русск. *пáкость*, *пáкостить*, *пáкостный*, *пáкостник*, укр. *пáкѡсть*, *пáкостити*, *пáкосний*, *пáкѡсливий*, др.-русск. *пакость* 'вред, зло, разоренье, грабеж, мука, болезнь, препятствие, обида, обман, осквернение, гадость', *пакостити* 'причинять вред, грабить, производить разбой, препятствовать', *пакостовати* 'оскорблять, мучить, затруднять', *пакоствовати* 'хищничать, разорять', *пакостьствовати* 'причинять вред', *пакостьныйи* 'вредный, пагубный, препятствующий, тяжкий', *пакостьливий* 'склонный к злу', *пакостьникъ* 'злодей, мучитель', польск. *pakosć*, *pakosnie*, *pakosnik*, чеш. уст. (воен.) *pakosta*, *pakostnik* 'вредитель, диверсант', в.-луж. *pakósć* 'воришка', *pakosćić* 'воровать', *pakostny* 'воровской', *pakostnik* 'воришка, жулик', н.-луж. *pakosćis* 'безобразничать, безчинствовать, вонять, воровать', *pakosnik* 'воришка', болг. *пáкост* 'вред, изъян, убыток, пакость, мерзость', *пакостя* 'пакостить, делать неприятности', *пáкостен* 'вредный, пакостный', *пакостлѡв* 'причиняющий вред, пакостный', *пáкостник* 'пакостник, проказник', макед. *пакост*, *пакости*, *пакосен*, *пакослив*, с.-хорв. *пáкостити*, *пáкостан*, *пáкосан*, *пáкосник*, словен. *pákost* 'вред зло', *pákosten* 'противный, гадкий', ст.-слав. *пакость*, *пакостити*, *пакостьнѡтъ*, *пакостьливѡтъ*, *пакостьникѡтъ*, *пакостѡтене*). Попытка увязать слово *пакость* с паречием **пако*, *паки*¹²⁶ лишена всякого основания. О генетической связи

¹²⁵ Попытка В. И. Даля вывести русск. *касть* из *капость* (Д а л ь II, стр. 95) неубедительна по двум причинам: во-первых, ввиду невероятности такого резкого сокращения эмоционально насыщенного слова *капость* и, во-вторых, ввиду того, что само это слово является территориально ограниченным новообразованием на основе *пакость* (ср.: Л. А. Булахов-Ський, 3 историчних коментаріів до української мови. Метатеза. — «Мовознавство», т. VIII. Київ, 1949, стр. 47).

¹²⁶ П р е о б р а ж е н с к и й II, стр. 5.

слова *пакость* со словом *кость* свидетельствует, между прочим, зафиксированное в русских заговорах выражение *кости и пакости*¹²⁷. Правда, пейоративное значение слова *пакости* в этом выражении почти не ощущается. По-видимому, значение слова *пакости* из этого выражения является вторичным, развившимся у существовавшего уже раньше слова *пакость* под влиянием нового значения слова *кость* 'твердая часть организма'. В таком случае это новое, не получившее распространения в восточнославянских языках значение слова *пакости* указывало, вероятно, на участки организма, соприкасающиеся с костями (сухожилия, мышцы). Близкое к этому значение отражается в производных от *pakost* чеш. *pakostnice*, слов. *pakostnica* 'подагра'. В отличие от этого вторичного значения слова *пакости*, его первичное значение, сохранившееся в преобразованном виде в современной пейоративной семантике этого слова и его производных в восточнославянских и южнославянских языках, вероятно, заключалось в указании на отделенные части трупа убитого существа, грязь от трупа убитого и т. п. Как видно из соотношения названных слов с префиксом *па-* (*ра-*) в западнославянских и в остальных славянских языках, сосуществование первичного и вторичного значений этих слов в одном и том же языке оказалось невозможным: после закрепления в чешском и словацком языках слова *pakostnica* в значении 'подагра' слово *pakost* и его производные с пейоративным значением в этих языках вышли из употребления.

Таким образом, слав. *kostь* представляет собой распространение древнего и.-е. корня *kos-* посредством суффикса *-ti-*, аналогичное таким образованиям, как слав. *čestь* 'часть' (< **kęd-tь*, ср. *kęsati* 'кусать' из **kęd-sati*), *věstь* (< **vęd-tь*, ср. *vęděti*, *vędati*), *gъrstь* 'горсть' (< **gъrt-tь*, ср. укр. *gортати* 'разгребать'), *znatь* и др. В свете предложенной этимологии слова *kostь* теряет под собой почву широко распространившееся в последнее время сопоставление слав. *kostь* с лат. *costa*. При той узости значения, которая свойственна лат. *costa* 'ребро', его генетическая связь со слав. *kostь* представляется совершенно невероятной. Вряд ли есть основания предполагать в данном случае и заимствование из славянских языков в латинский. Поэтому наиболее вероятной в настоящее время кажется предложенная уже О. Видеманом этимология лат. *costa* как восходящего через производную форму **cox-ta* к лат. *coxa* 'бедро'¹²⁸ (ср. др.-инд. *kākṣā*, *kakṣah* 'подмышка', авест. *kaša-* 'плечо' и др.).

Развитие значения слав. *kostь* на основе свойственного издавна корню *kos-* значения 'бить, убивать' и т. д. может быть использовано в качестве семантической параллели для объяснения до сих пор неясного в этимологическом отношении герм. **bain* (др.-в.-н., ср.-в.-н.

¹²⁷ Даль II, стр. 95; III, стр. 10.

¹²⁸ О. W i e d e m a n n. Указ. соч., стр. 15—16.

bein, н.-в.-н. *Bein*, англ. *bone*) 'кость'. Это германское слово, по всей видимости, связано с нем. *Beil* 'топор', др.-в.-н. *bīnal*, *bil* то же, русск. *бить* и т. д. и, следовательно, восходит к и.-е. корню **bhei-* **bhoi-* (именно к его ступени с вокализмом *o*) в значении 'бить' и т. п. Возможно, что и семантика лит. *kāulas*, лтш. *kaĩls* 'кость, нога', русск. *кульжа*, *кульша* 'бедренная кость' прошла аналогичный путь развития от значения 'бить' и т. п., свойственного и.-е. корню **kou-* как производному от **ks-*.